

Сергей Шелковый

Свет безымянный

СТИХИ

Харьков «Майдан»

2015

УДК 82-14
ББК 84(4Рос)
Ш 43

Художественное оформление автора

Шелковый С. К.

Ш 43 Свет безымянный: Стихи / С. К. Шелковый. —
Харьков: Майдан, 2015. — 224 с.
ISBN 978-966-372-622-9

В новую книгу Сергея Шелкового вошли стихи, написанные за последние три года. Как и в предыдущих сборниках, основной интонацией автора остаётся лирико-философское осмысление человека в самых разных изломах светотени его бытия.

И вопреки всем тревожным и жестоким испытаниям последних лет стихи этой книги утверждают этическую константу поэта — его веру в неиссякаемый и непредающий «свет безымянный».

**УДК 82-14
ББК 84(4Рос)**

I

Тёмный бог

ПАМЯТЬ

И вот, когда опять июнь настанет,
качнусь на юг, как Дон, Днипро и Волга,
как пёстрая ватага казаков
с варяжскими бунчужными чубами,
с клеймёнными ворожьей сталью лбами,
с пурпурными хвостами бунчуков...
Что кровь моя? – Накоплена по капле
из кринов сладких и лиманов горьких,
из ливней материнских, отчих рек...
И потому, когда июнь приходит,
мне жилы рвёт тугих потоков память –

сама судьба в седло меня бросает,
ремень подпруги жадно затянув.
И сагайдак мне дарит Сагайдачный,
и в грудь вонзает твёрдые глаза.
И вот, скольжу дугой меридиана,
лечу в огромном сне, всё ускоряясь,
по зову рода, по магниту крови –
Чумацким Шляхом, муравой шелковой
спешу на юг с тоской неодолимой,
настоянной на соли и меду...
И слышу счастья смертную дуду.
Всё помню, всё. И наяву иду.

* * *

Опускаешь глаза – а вокруг золотые монеты,
на траве, на асфальте, на вызревшей почве лежат.
То алтын, то пятак, то полтинник, горячий, как лето.
А отдашь иль возьмёшь – урожай и посеян, и сжат.

Поднимаешь глаза – над тобой безмятежное небо,
а минут через десять сгущается гроздью гроза.
Это слёзы псалмов, это жизни тревожная треба.
И ни крайнему сдаться, ни выстрелить первым – нельзя.

Отче на небеси, да приникнет к земле Твоё имя,
да пребудет в душе моей великотрудный завет.
Я давно среди тех, кто ушли навсегда молодыми,
и уже среди тех, кто упорствует выслугой лет.

Догоняет война, и на спину бросается подлость –
с правоверным лицом родовой узнаваемый зверь.
И вишнёвою кровью кириллицы полнится повесть,
и распахнута сызнова в ад черноротая дверь.

Настигает война, но весна её перегоняет,
и царит над убитыми меченный вечностью май.
Страстотерпица мать лишь короткое Имя рыдает,
то, что помнил и ты. А забыл, так умри – вспоминай!

2014

СВЕТ БЕЗЫМЯННЫЙ

Борису Чичибабину

1.

Доживём до весны, мой певучий возлюбленный старче!
Долетим до травы вопреки шелудивой зиме.
Вопреки срамоте этой жизни, изрядно собачьей,
доживём. И, даст Бог, обнаружимся в ясном уме.

Я вгляделся в упор в свой пропитый прокуренный город. —
И в сигарке его вспыхнул дымного смысла намёк:
он — и духу плевок, он и брюху холопью голод.
Счёт грехам он забыл, и ничто не идёт ему впрок...

Я вгляделся в лицо моей жертволюбивой отчизны.
О как стыдно сегодня смотреть нам друг другу в глаза!
А на шраме холма, на разломе кладбищенской тризны,
некий отсвет дрожал, без которого выжить нельзя...

Подорожник — прохлада дождя на горячечной ране —
да по небу прочерченный птицей рифмованный след. —
Нас не предал лишь свет безымянный — на сломе, на грани.
А опоры иной не найти нам ещё триста лет.

Дотужим до весны — там щедрее, там больше дыханья
в голубом и зелёном, чем здесь в тараканьей тоске.
Домолчим, чтоб услышать, как арию чистописанья
прогорланит скворец о хмельном первозданном листке!

2.

Двадцать лет тебя нет на теряющей разум земле.
Ты о первой Чеченской успел прокричать: «Подыхаю!»
Что сказал бы ты ныне о прежде невиданном зле?
Я в глаза тебе гляну и слово твоё угадаю.

«“С Украиной в крови” – повторил бы ты – с ненькой
в крови,
я молюсь о её многожертвенной воле-свободе.
Ридна маты, в цвету, в соловьином напеве живи,
в молодёющем Духе, в седом ясновидящем роде!»

Нет, безверию не угасить безымянный наш свет.
Осиянная тишь к человеку нисходит от Бога.
Двадцать лет – ты не здесь. Но для душ расставания нет.
И вдоль берега моря ведёт нас живая дорога.

2015

ТЁПЛЫЙ БОГ

Кто там шастает по саду,
рыщет в чёрной тишине?
Я не знаю, и не надо
смалу знать про нечисть мне.
Вот проснусь – с верхушек вишен
брызнет розовый рассвет.
И в окно почти не слышен
гул сквозной протяжных лет...

Цепко вьётся повилика, –
в граммофончиках змея, –
пахнет пряная гвоздика,
в травной гуще кошка Кика
мнёт, терзает воробья.
Я сибирскую тигрицу
под веранду загоню,
перистое тельце птицы
в цветнике похороню.

Там, в пионе, жук жирует,
изумрудный шахиншах,
в ус не дует, хмель смакует
на хитиновых губах.
Я припас для экселенца
из-под спичек коробок...
И сквозь ранних птиц коленца
в поздних стужах экзистенций –
мною владеет тёплый Бог!

2014

* * *

Входит лето в горячую силу,
в золотую исконную суть.
Нас кормящее небо носило
на руках. И молочную грудь
отдавало в сыновние губы,
во птенцово-пунцовые рты.
И, как нежные горны и трубы,
раскрывались под солнцем цветы.

Глины плоть, умягчённая млеком,
оживлённая красным вином. —
Будешь веком, челом, человеком
на небесном наречье родном.
Материнское небо июня,
для и полня высотную суть —
на коне ли ты иль накануне —
окликает: «Воистину будь!»

2013

* * *

Так выдуманно правильно и странно:
прохладой выпит за ночь летний зной.
И осени яснейшая осанна
витают над скудельностью земной

беззвучно. Ибо сущность – бессловесна.
Живущий *Сетью.net* не уловим.
Ещё светла небесной сини бездна,
пока спешит сквозь осень пилигрим

к усыпанному листьями порогу,
к жилью, где в окна плещет окоём,
к родным, уже глядящим в очи Богу,
спешит, спешит – и солон в горле ком...

2012

НА БОСПОРЕ

Не зря пылинку на ноже карманном
кудрявый петербуржец привечал.
Я сам гляжу с пристрастьем неустанным
сквозь зиму на июльский свой причал.
Боспор – полынь, бессмертник киммерийский...
Держу я верно Гибралтар в уме,
но всё ж родней мне – Тузла, Понт Эвксинский
и Меотида с факелом во тьме.

Потру орех, из Керчи привезённый,
чтоб отогреть смолистый аромат,
чтоб ожил снова, пряный и зелёный.
июля – во весь рост! – видеоряд.
Потру ореха плод, экзот далёкий,
проросший на Боспорских берегах,
впитавший Митридата кровотоки,
властителя на глиняных ногах.

Всё длит по-царски ностальгии эхо
сей грек из персов, трагик из владык...
Под кроной благовонного ореха
вздремнул его усталой славы бык.
Но сеятель идёт за бычьим плугом
и веер проса сыплет-веет впрок...
И кружит явь меня волшебным кругом,
и память лепит пазлы друг за другом,
чтоб ожил мозаичный завиток.

2012

* * *

Вспоминался, как живой, Шенгели
среди горячих стен Ени-Кале.
Над Боспором травы шелестели,
и томилось прошлое в земле –
вычурной монетой султаната,
царскою медалькой храбреца,
флягою германского солдата,
сгрызенной коррозией с торца.

От Ени-Кале до Митридата
тянется зелёном садом Керчь.
В словаре Георгиева лада
по краям дороги – смерть и смерч.
Говорил, что «умереть не страшно»,
только вправду «страшно умирать...»
А читалось – время множит брашна
там, где длится моря благодать,

где рождались первою любовью,
верностью до самого конца –
полнозвучье Духа, полнокровье
повести от первого лица,
где всё плавят бронзу с мельхиором
почвы, источающие желчь,
где всё дышит в сини над Боспором
юность, не попорченная мором,
золотистый блик Эллады – Керчь.

2013

* * *

То ль Атлантикой веет ноябрь, то ль смягченьем закона.
Синим блеском расколот гренландского льда рафинад.
И огромный осколок плывёт, дабы вечностью стона
длился отклик сопрано Селин на «Титаника» ад.
Судный айсберг плывёт, сублимация Божьего гнева.
Выше гор ледяных выросли терриконы грехов.
Машет матушка розовой шляпкой вослед, королева.
И арктический ветер вгрызается в плоть потрохов.
Моби Дик, броневой кашалот, светит белой кожей.
Криком молится смертник Ахав, китобой, мореход.

Километры студёных глубин на безверье похожи.
И в беспмятстве ищет себя человеческий род.
В чёрный город глядишь ты. Сей полис новейшего века,
многопалубный лайнер в сиянии тысячи глаз,
носит имя Содом. Не для Бога он и человека,
не для нас, наделённых живою душой, не для нас.
Снова, снова ковчег обречён, ибо злом перегружен.
Атлантической влагою полнится ночь ноября.
Перед чёрным окном, позабыв про остывший свой ужин,
«Отче наш – повторяешь ты вновь – я давно безоружен.
Но идущий за мной – ведь не зря же прекрасен? Не зря...»

2013

* * *

М.

А помнишь, щегла покупали мы, в клетке царя,
певца пятицветного, крестника чертополохов?
И дюжина лет пролетела, и лёд января
вмерзает в февраль, баррикадные горы отгрохав.
Как дюжиной зим отстрелялись – уже не сказать.
Молюсь что ни день, но невняты земные молитвы
Господним высотам. И в смертников-родичей рать
всё злее вгрызаются сталью колючки-ловитвы.

Чадит уголовная знать, тараканьи князья,
бароны зловещих могил посреди терриконов.
И ясно, как день, что без жертвенной крови – нельзя,
что страшен закон человеческих и Божьих законов.
Нет, не на коленях молиться нам – на животе
виниться в грехах – не семи, сорока! – поколений,
чьи Каины долгой идут чередой, а те,
кто Авелем мечен, обмякли в холопстве и лени.

Мы – здесь, моё чадо, где век бессердечен и туп,
где склеены губы с рожденья погибельной глиной...
И всё же о главном скажу тебе, мой жизнелюб:
я рядом с тобою, мой певчий сообщник щеглиный!
Опять к нам на плечи щеглы и синицы летят,
и зяблик садится – июньские щёки в румянце.
И всякий, кто лёгок и взлётен, – доподлинно свят.
А щебеты слабых – все сильного неба посланцы.

Ты помнишь, щегла выбирали мы? Август сиял.
И ты, мальчуган, улыбался невиданной птице.
Прости же мне зимы-расстрелы. Прости, что позвал
тебя в этот рай баррикад, где опасно родиться.
Я вновь прихожу к тебе, чадо, – зови, не зови, –
понеже меж нами живёт необъятная тайна.
Мы выстоим и средь безвременья даром любви –
той, самой большой, что отмерена нам неслучайно...

2014

* * *

И вот, нарисованы розовым мэйлом,
на сером асфальте взойдя поутру,
цветы мои радостны, в общем и в целом,
покуда я жив. И пока не умру.
Но даже потом, когда звери гудрона
уже без меня утомятся дрожать
под ливнем зимы, я вернусь потаённо
к тебе, голубиных дворов благодать.

К тебе моя жизнь — ощутить ещё чутче
вишнёвые грешные губы твои.
И вешним дождём из сиреневой тучи
пролиться, смывая все точки над «*i*».
И видеть, как чей-то цветок-сновиденье
трепещет всё так же: «любим-не любим...»,
а на тротуаре души моей тени
прописаны мэйлом — мелком голубым.

2013

НА РОДИНЕ ПОЭТА

Прокутил, прогульвасил июль своё звонкое золото.
Тридцать первому дню я прощальный цветок принесу.
Вволю выпито вин, вволю слов на муку перемолото,
и две трети всей жизни под хвост разбазарено псу.
Нелегко налегать покалеченным пальцем на клавиши,
проводя Шопеном июль. А, покинутым, нам
остаются забот августовских тревожные залежи
да билет на плацкартную полку – с грехом пополам.
«Вот и лето прошло» на две трети. Дорога к Арсению
уместилась в каких-нибудь тридцать с копейками лет.

На родной его почве стою под исконною сенью я,
и особенный льётся сквозь зелень Тарковского свет.
С ним и пешая поступь моя может стать крылатою
здесь, где память Ингула полна отраженьями душ,
где фортеция Елисаветы, без выстрела взятая,
мне дарует по-сестрински ветку породистых груш.
Поклонюсь его тени живой и крыльцу виноградному.
Не тускнеет Грааль его слов и гранение сот.
По мосту через реку его и по веку всеядному
за июлем вослед цельнокованный август идёт.

2013

СТИХИ В ХАРЬКОВЕ

Ушёл сентябрь, холодный и лучистый
в разрывах между тяжких облаков,
унёс кудрявый чуб зеленолистый
и пачку всласть исчёрканных листков.
Отчалил вдаль тридцатый день осенний,
тот день, где, синеглаз и сизокрыл,
читал стихи и бражничал Есенин,
где Хлебников пророчества бубнил.

Почил сентябрь, но скоро Маяковский
в пиджачной паре по Сумской пройдёт,
октябрьский громогласный гость московский,
огромный пленник собственных острот.
С ним рядом мрамор мухи Мандельштама,
живьё Каррары. – Сей, осой звеня,
бросает обвиненье в фальши, – прямо! –
румынскому оркестру злобы дня.

И марафетом от Мариенгофа
помечен курс истории стиха
здесь, среди стен и лестниц облсовпрофа,
где жизнь – скорей реальна, чем глуха.
Прошёл сентябрь. И стало больше солнца.
Как странно обращение времён!
Едва умывшись, сядешь у окна
и снова врубишь старый патефон.

Осенняя сова рязанца кычет,
и Велимир глядит в очки ЧК.

И чёт, и нечет, и начёт, и вычет,
и некая счастливая тоска
о том, что все здесь были и остались
здесь – в подлинных узлах координат,
что давность нот и молодости малость
усилены любовью во стократ.

И вот, кого опять зову – Шенгели!
Всегда на мушке века, сам стрелок,
всегда без дураков, на самом деле –
Боспора свежий первозданный вздрог.
Он, восемь лет по Пушкинской шагая,
Эредиа, фелюгу и себя
сберёг средь флагов октября и мая,
пером, словно уключиной, скрипя.

Миллениум добит. Добыт и скраплен
из-под пластов иной метан для ТЭЦ.
Но греет память – рядом Чичибабин,
улыбкой брат, сединами отец...
Все были здесь и все слышны доныне.
Озоном слов их – лечится душа.
Ползвука от святыни до гордыни.
И, взвешен во всемирной паутине,
«так и живёшь – и каясь, и греша...»

2013

* * *

Заветный мой! Ты изменился, вырос.
И если, на минуту резковат,
вспылишь – так это Зевс или Озирис
вживили нам в зрачки по сотне ватт.
Я узнаю в тебе свою горячность
былую! Но о «завтра» я смолчу.
Не зря Отец забрал прозрение-зрячесть
у чад своих. Добро, коль по плечу

нам будет камень – нет, не философский, –
но груз, но за грехи генома счёт,
за мнимость математики бесовской,
за смутных дней фатальный поворот.
Я б отдал сумму всей своей науки
за твой счастливый в новом веке след...
Люблю тебя, мой сын. Верней поруки –
Бог видит! – у всего вселенства нет.

2012

* * *

С золотого крыльца золотое крыло
огольца подхватило и ввысь вознесло
над заросшею ряской Луганью.
Из сатина трусы, полдесятка годков –
вот и весь его скарб, но на взлёт он готов
над рассветною Тмутараканью.

Даже если на первый покажется взгляд,
что напрасно спешит он, – стремглав, наугад, –
оттолкнуться толчковой, чумазой,
необутой ногою от известняков,
всё же ягодных кущей среди облаков
достигает он, пристальноглазый.

Там средь веток колючих крыжовник поспел,
и в качалке из ивы, устав, не у дел,
великан задремал над романом...
И с такого же, как над Луганью, крыльца
снова фатум и фарт летуна-беглеца
ускореньем влекут постоянным.

То ли это во сне повторяется с ним,
то ли явь навевает ему пилигрим,
ангелок за плечом, бодигардер?
Но ничто не прошло – мочки пальцев кровят,
и живыми колючками колется сад,
хоть давно отменён к нему чартер.

Трудно не потеряться в двойных зеркалах,
в кривизне зазеркалья не выдать свой страх,
не свернуть к полуправде линейной.
Но кому-то ж написан удел на роду –
говорить о предчувствиях начистоту,
не теряя колючей звезды высоту,
не гнушаясь и гущи кофейной....

2013

ИЗ «ЛУГОВЫХ ПЕСЕН»

1. Покос

Певучи луговой работы звуки.
От солнца и приволья охмелев,
звенит коса, и в ровном полукруге
ложатся стебли – плавно, нараспев.
Наступит вечер, и закатный воздух
войдёт, как царь, в станицу за холмом.
И косари, уже при первых звёздах,
узор покоса впишут в окоём.

И будто бы играя с полуснами,
ладонью вытру начисто косу...
А всё, что свежевычерчено нами,
с собою в звёздный атлас унесу.
И кажется – всё внятней шёпот свыше:
мерцанье-дрёма лезвий в тишине
и луг Вселенский, где всё ближе, ближе
подходит некий замысел ко мне...

2013

2. Свадьбы

Летят сквозь июнь мотыльки.
Лимон и жасмин – их рубахи.
О бабочки, швеи и пряжи, –
как станом тонки и гибки!

Как нравом невесты чисты,
приветливы, трудолюбивы!
Весь день их персты терпеливо
в ручье полоскали холсты.
Фонариком белый налив
мерцает сквозь полночь июня,

а свадебных крыльев наив
не дремлет – ни всуе, ни втуне.
Фонарики яблонь легки. –
Всю ночь бесприданницы шили,
сшивая гвоздик и ванили,
и жимолости лепестки.
И ус выгибая, и бровь,
кружит мотыльковая братия!
И в скромное убрана платье,
смеётся девичья любовь...

1980-ые, 2013

3. У озера

Полдень. Дрожащие веерно крылья.
Горизонтальный сапфировый хвост.
Над первобытным лугов изобильем,
словно гипноз, – трепетанье стрекоз.

Плавность пришельца в летательном жесте.
Вот, к лепесткам наклоняясь едва,
в зное стеклянном застыли на месте
внегалактические существа.

Кто-то у линз Андромеды туманной,
губы кусая, завидует мне –
снам луговой приозёрной поляны,
лепету летних малиновых дней

1980-ые, 2013

АЛЬГАМБРА

О Гранаде, печалюсь и радуясь, выдохни слово
там, где смешан влюблённости день с вековечной тоской,
где восходят к дворцу с Торровьехой вдвоём Терранова,
и на холм с Калатравой весь род поспешает людской.
О Гранаде, в лиловых и розовых ветках цветенья,
там, где солнце – в соитье с дождём по-над майским холмом,
где под шлемом седин младежского чувства смятенье,
паче чаянья, сходится ныне с прицельным умом.

О Гранаде – без скорби! Ведь нежная птица Альгамбры
плещет в небе крылом кружевным и узорным пером.
Носят пчёлы с багрянца Иудина дерева амбру,
белый «Боинг» счастливо садится на аэродром.
И из мраморной чаши фонтана с проточной водою
чёрный дрозд жёлтым клювом аллюзии вечности пьёт.
О Гранаде – всем голосом, всею душой молодою,
мавританский целуя, пропитанный магией рот.

Все потоки пороков и жертв, реки все Реконкисты
остаются за кадром. Журчит в арабесках ручей,
так напевно-молитвенно, так целомудренно-чисто,
что любовь – есть воистину Бог по-над тьмою ничьей.
Белый лайнер «Иберии» мчится по ленте бетонной,
снежной стражей очерчены Сьерры-Невады клыки.
Но смиренно-мудры Халифата почившего склоны.
Об Альгамбре от счастья заплачь. Ибо путь твой исконный,
человеческий – в здешнем узоре Господней тоски.

* * *

Валенсия, скучаю по тебе,
когда бы не сказать сильнее – тоскую!
И вновь, нарваться на отказ рискуя,
я обращаюсь к скаредной судьбе:
«Продли дыханье примаверы той,
хотя б на тот один апрельский вечер,
где просветлённый дух мой, как тинейджер,
исполнен взлётной силы молодой,
где чёрно-золотой просторный мир
вовсю распахнут мне с крыла балкона
Валенсии, где звуки Морриконе
так тихо льются издали в эфир».

Валенсия, скучаю по зубцам
твоих Ворот, по Лонхе-де-ла-Седа
и вновь во сне к тебе на встречу еду,
к твоим навек речистым мертвецам
из бронзы. Твой Льоренте рифмовал
навряд ли ярче прочих и смелее.
Но днесь под сводом фикусной аллеи
достойно он венчает пьедестал,
когда в апрельской влажной полутьме,
загажен сизарями шалой стаи,
стоит, не дрогнет, дорогое зная:
«На каждый звук – миллениум в уме!»

Парит вдали стрекозий новострой
искусника Сантьяго Калатравы,
Нет, не избыть мне здесь любви-отравы –
под плавной апельсиновой горой,

здесь, под шатром эпических ветвей,
что брызжут сквозь изломы млечным соком,
здесь, где я полнюсь рокотом и роком...
Лети же, ветер из Магриба, вей
по городу, чья Турия-река
озеленила русло райским садом,
чей гений-дух, струясь по анфиладам,
всю ночь лепечет мне, что счастье рядом.
Валенсия! – Вселенство вдоль виска...

2014

ТОЛЕДО

Приснился Толедо, воинственный и смуглокожий,
с предгрозыем Эль Греко, его вороной синевою.
Причудился каменной музыкой, нотой тревожной
и шпилем собора, пронзающим небо живое.
Апрельским болидом примчат от Аточчи-Мадрида
всё те же рискованные двое, искатели смысла,
к вокзалу Толедо, к оплоту воителя Сида,
к теснинам проулков, сокрывшим сакральные числа.
Почуй же, как стиснут Толедо усилием застёжек.
Торнадо, торпедо – магнитный позыв к Реконкисте!

И копать камней, и стилетов разительный отжиг,
и в розовой пене – иудина дерева кисти...
Во тьме Кафедрала склонилась Пречистая Дева
в молитве о всех убиенных иберах и маврах.
А ветер шалит и доносит то справа, то слева
воздушный настой – на кастильских лимонах и лаврах.
Вдоль кровосмешений смещается почвенный колер –
от жёлто-багряных тонов до какао и мокко.
И летосчисленьем смягчив, словно патиной, гонор
с гордыней, Толедо над кручею времени обмер,
и снова стучать в его двери железом – нет прока...

2012

* * *

И всё бежит тот давний мальчик-с пальчик,
в распахнутой рубашке, восклицая:
«Зачем, зачем так лихо и поспешно
швыряет голубей своих на ветер
неугомонный летний календарь?
Откуда и куда несётся время
под белый шорох почты голубиной?
Я чую всей душой – душа бессмертна!
Зачем же... Неужели я умру?»

И вот, в одной из тех прохладных комнат,
которых нет давным-давно на свете,
он знает точно – за стеной, снаружи,
густеет перезревший зной июля,
сползает 31-ый день, последний,
как ящер в шкуре-бронзе, под откос.
И в папоротник грузно уползает
бронированный зомби бронтозавра,
чтоб, тяжко уронив буддийский череп,
в наростах и шипах золото-ржавых,
закрыть навек молочные глаза...

Но там, в воздушных лабиринтах комнат,
в загадках и шарадах нуль-пространства,
где слышатся шаги и шелест тканей,
где светятся любовью и спасеньем
видения двух нежных великанов,
там слово есть, как яблоко: «Сынок»...
И всё-таки в зеркальной дверце шкафа,

с трудом свой ракурс-реверс узнавая,
наедине с опасным отраженьем
тот мальчик повторяет через силу,
внезапно перехваченной гортанью:
«Зачем же... Неужели мы уйдём?»

Округлое и ласковое имя –
сын солнцелюбий, сокровенный отрок!
Так странно, что тогда я был тобою.
Ты обогнал на жизнь те опасенья
и, вижу, – ты, пострел, не постарел...
Теперь уж я, – другой, малоподъёмный, –
мешая в мыслях соль и чёрный перец,
готов отчалить – не сегодня, завтра,
готов узнать ответ на тот вопрос...
А ты уже давно – полёт, движение,
субстанция всезнающего света.
Ты – весь душа, и не устанешь жить!

2012

10 МАЯ 2013

Милый деда мой Иван Иванович,
нынче – день рожденья у тебя.
На дворе лютует Ятаганых,
злым глазом родину любя.
Зря ли ты при Сталине-шайтане
лямку вдоль пайковых дней тянул?
До сих пор в родимом Уркистане –
слышен тех же эшелонов гул.

В тех же дурах-ямах вся дорога,
та же всюду крепнет перемать.
Лишь в углах тоскуют лики Бога,
ибо есть о чём Ему страдать.
Мы давно не виделись с тобою,
промелькнуло мигом сорок лет.
Как была Ук~~ра~~ина рабою,
так рабой и пялится на свет.

Добрый деда! Май, однако, светел –
всадник-май, твой месяц соловьёв.
Ворон сдох, откинул лапти петел,
прохрипев пяток тюремных слов.
Но осталась эта чудо-птица,
выжила в каштановой ночи,
чтоб не уставали звуки литься –
серебра тончайшие ключи!

Так и начал я твой час рожденья –
слушал соловья до четырёх.

Слушал, и цветущих веток тени
тоже затаили выдох-вдох.
Лился Моцарт из больничных кущей,
и к балкону нашему взлетал.
Милый мой, и ты, во мне живущий,
улыбался, словно что-то знал...

2013

* * *

Июнь дождями переполовинен, —
за солнцем вслед — полночная гроза, —
неутомим, шумлив и в том повинен,
что бьют навскидку в цель твои глаза.
Грохочет высь, небесною водою
сбивая цвет жасминовых ветвей.
А ты степною светишься княжною,
такой насквозь нездешней и моей
невестой половецкою, искомой
на всех витках, на ста кругах подряд...

Гремит июнь, жасминовой истомой
до кончиков ногтей вливаясь в сад.
И стрелы глаз, и таинства-ресницы,
и взмах бровей, тугой, упругий лук —
всё это наяву живёт и снится,
и длит сакральный в подсознание звук.
И не унять мне ключевого зова
бессмертного генома красоты!
Вот ты — свечение царствия земного,
вот ты — дождём промытые цветы...

2013

* * *

Шпионскую яичницу-болтуню
яичница-глазунья, «по-чекистски»,
ревнует. И всю цветут петунии
весь август, и клубятся тамариски.
И «Естудей», по Битлам ностальгия,
желтеет вновь с утра на сковородке.
И отпускные помыслы благие
щекочут ум, и коротки, и кротки.
Серебряных маслин-дикарок грозди
жуют закатно-рыжие коровы,

и диско-бар всю ночь вбивает гвозди
в пространства Казантипа и Азова.
Полсотни фотокадров – и неделя
растает пеной на песке-ракушке.
И эти дни, без рейтинга, без цели,
свистульки, сувенирные игрушки,
я вряд ли приплюсую к веским суммам.
Но мы с тобою, мой походный «кэнон»,
припомним зимним вечером угрюмым,
как август плыл, гремя пиратским трюмом,
а море пело «лав» – нежнее, чем Леннон...

2013

* * *

«Здесь, под небом чужим, я – как гость нежеланный...» –
журавлиную песню отец мой любил.
И всё длится полёт серых птиц над туманной,
над осенней журбой, над предзимьем могил.
Спят, давно уже спят под кладбищенской глиной
и архангел-отец, и послушница-мать.
И всё тянется клин над той былью единой,
где ни в грусти, ни в радости нас не разьять.

Что мне делать, когда «сердцу хочется плакать»,
а сухи, – бертолетовой солью, – глаза?
Вновь лимонной листвой бредит чёрная слякоть,
вновь парят деревья, как святых образа.
Говори же, отец, из-под гиблого камня
всё, что ты мне при жизни сказать не успел.
Доживу ль, удержусь ли до мая, до травня
среди зимовий, среди алчущих жаберных тел?

Был чужим среди них, чужаком и останусь
здесь, под хмурым и давящим небом, отец.
Помню звук первозванный – стеклярус и парус,
время осени – жертвенность жёлтых овец.
И с журливым напевом летишь ты не даром,
ибо он – про тебя. А теперь – про меня.
Ибо осень опять по сократовым чарам
разливает цикуту студёного дня.

* * *

*Памяти В.Свидзинского
и В. Борового*

«Стихи меня спасали в лагерях,
в пропащих чёрных шахтах Кайеркана –
сказал почти столетний патриарх
с застенчивой улыбкой мальчугана –
Стихи меня сквозь сто смертей вели,
они и светлокосой мамы мова
спасли мне душу на краю земли,
у злого океана Ледяного...»
Так говорил мне старый человек,
что, вопреки всем замыслам паучьим,

прошёл сквозь непролазный хищный век,
оставшись ясноглазым и певучим.
Он выжил сам. И дал мне знак о том,
кого сожгли чекисты в сорок первом, –
о подолянском Рильке золотом,
о тайном брате лотосам и перлам.
И я их, двух, с любовью в сердце взял
как суть той жизни, что меж злом и ложью,
сквозь весь свой мусор, срам, базар-вокзал.
способна в высший прорасти астрал
и высветить сполна подобье Божье...

2014

ЯЗЫК

Цветком ацтека, жарким чернобрывцем,
с клинка кровищу стёр Эрнан Кортес.
Огонь и дым вздымались до небес,
и кто убит был сталью, стал счастливецом,
поскольку всех оставшихся до тла,
горячечной заразой инфлюэнцы,
в мученьях умертвили силы зла,
одетые в кирасы ополченцы –

шестёрки длинномордых королей,
вмурованных в дворцовый мрак Мадрида...
Когда соврёт их рот змеинный «*vida*»,
что значит «жизнь», названьям кораблей –
не доверяй! Но псы бродячей смерти,
прикрытые обманкою креста,
в насилие утвердились неспроста:
сквозь Монтесумы мёртвые уста
язык торчит испанский... *Ergo*, верьте –
богам угодна звука чистота.

2014

ПОД ЕВПАТОРИЕЙ

В евпаторийскую Молочную
по крымчаку-солончаку
скрипит трамвай, по шпал отточию
подвозит к пляжному песку,
к полоске берега осеннего
две дюжины любимцев рифм.
И строг Господь, но в светлый день Его
сотрёт свой пот со лба Сизиф.

И я, взыскуя звук по совести
и роя клад свой невпопад,
попутчикам в трамвайной повести
в изломах солнцезапада рад.
Ползёт трамвай над фиолетовой
солончаковою травой.
И тёплый ветер песней спетою
в песчаный прячется сувой.

Тарелкою-антенной белою
пищит космическая связь,
но я сниму пейзаж как целое,
смешенья жанров не боясь.
И степь втяну ноздрей, чтоб вынюхать
Главсовконструктора секрет:
мне можно – как тому, чья иноходь
спешит на жёлто-красный свет,

тому, кто на ходу с замедленной
подножки спрыгнув в десять лет,

крылом с мальчишеской отметиной
то в Зурбаган гребёт, то в Зет...
Вот и гребу над сплошь лиловою
солончаковой целиной.
Цвети, сосна моя еловая,
где соль рассыпал за основу я,
цвети, Чаир, не спорь со мной!

2012

РАССТАВАНИЕ С КАФОЙ

Пили синь, пьянели воздусями,
обретая истину в вине.
Расстаёмся тёплыми друзьями –
наяву и в дрёме-полусне.
Расстаёмся, Кафа, ненадолго,
ибо без холмов твоих никак
не прожить мне, ибо мало толка
в мире без пиитов и бродяг.

К дастархану жёлтого инжира
льнёт лиловой влагой каберне,
чтоб лепёшкой крымского тандыра
пришлеца согрела Эмине...
От бандюжьих ям на Карантине
прочь уносит ветер трупный яд.
А живой рассвет мой – вновь щетине
на упрямом подбородке рад.

В башнях Константина и Климента
генуэзский бычится кирпич.
И вернусь я в Кафу, как в Сорренто, –
на понятный мне лишь, тайный клич,
на призыв-резон семязыкий,
на исконный первозданный звон,
в коем май-шиповник нежноликий
светится, – вернусь, но не в сезон!

Налетит свежак от Понта резкий,
вырвет из руки стишок-листок.

И, в траве оставив лепет детский,
улетит к Боспору на восток.
Часовой ключа и сторож долга,
за своё втройне плачу налог.
Путь иглы запомнит нитка шёлка.
Расстаёмся, Кафа, ненадолго.
Если не навеки, милуй Бог...

2013

* * *

Вот поспел абрикос над скудельною почвой Азова,
от него в трёх шагах – алыча дозревает, алея.
Сквозь замедленный зной ощутимо присутствие зова
вдоль заросшей до глаз, но всюду плодоносной, аллеи.

Выживают в дикарской свободе колючие ветки,
упревают стволы разогретой слезою камеди.
Ты и сам на ходу. – По пути две шустрячки-нимфетки,
загоревшие до Чингачгука, до чурки, до меди,

абрикос обнесли, голубое ведро наполняя
нежно-южной добычей, оранжевой ягодой спелой.
«Ну, теперь на базар?» – «Да зачем? – И у круга трамвая
продадим!» – голоса обе Маугли смело.

2012

ДЖУБГА

Я в Джубге был тогда. Она названьем
мне розу-джан средь жара джигитовки
напомнила. Рот опекла аджикой.
чтоб с губ не стёр я поцелуя вкус.
В спираль свивая махаона ус,
прохладное, нарзаном пахло лето.
На водных крыльях мчала нас «Комета»,
вся в пене, отойдя от Туапсе.
И море было солнечно-зелёным –
бездонный, разливанный изумруд...
И бесконечность над волнистым лоном
протяжно пела: «Чист и честен суд. –
Все умерли. И все ещё умрут...»
И там, в один из дней, перед закатом,
зелёное легло над морем солнце.
о чём как о явлении природы,
редчайшем, восклицал в «Труде» спецкорр...
Кудрявились кусты подростков-гор,
цвело над морем солнце, зеленея. –
Тогда поверил я глазам своим
и до сих пор им, прежним, доверяю,
включая в помощь, впрочем, третий глаз –
дозорный лазер, бьющий, может статься,
с благословенья тонких лунных фаз
и всех иных реликтовых вибраций...

Во мне, молочнospелом, зрели мысли,
роились, словно атомы в пространстве,
сливаясь в неопознанный узор.

И всё крутили фильм «Багдадский вор»
тогда над морем. Мама, брат и я
снимали под сырой горой лачугу.
Шестнадцать мне. А маме тридцать восемь.
Теперь я старше прежних нас троих,
всех вместе взятых. Зеленело солнце,
и по горе, кустистой, предзакатной,
взбирался я, настырно продираясь
сквозь тернии кизила. Стол пин-понга
на лысине холма, кренясь, стоял –
один на всю пустынную округу...
Снимали, говорю, сарай, лачугу,
в копеечной хибаре ночевали.
Вдоль хилых стен – три утлые лежанки.
Есть дверь, но – ни единого окна:
едва на стенке щёлкнет выключатель –
темным-темно, не видно ни шиша...

Поймали как-то в сумерках ежа,
он и шмыгнул под среднюю лежанку.
За ним Митяй мой руку протянул,
а тот его – возьми,хвати за палец...
Вот так нас и грызут полвека, братец,
без срама бесовские кумовья,
породы вурдалачьей не тая,
то в сонные, то в становые жилы
впиваясь. Ну, а мы, похоже, живы,
как там тогда, в приморском том селе...
И потому в чернильно-влажной мгле –
ни полслезы, мой кровник белобрысый!
И ни проклятья, большелобый брат!
Пуškai уж ежевики синий взгляд
нам светит с гор, и глазки барбариса
подмигивают варварским огнём.
Ночь отстояв, мы выдюжим и днём –

с ежом-бомжом и беса развернём...
И жизнь, и смерть в одних мигают былях.
Придёт карга – не изменись в лице,
лишь в притче о взрослеющем юнце
взойди на катер на подводных крыльях,
что старт берёт от порта Туапсе.

2014

В АПРЕЛЕ

По апрельской Пушкинской мальчишка
носится на роликах в угаре.
Ножку одуванчика мартышке
в лапу дам – пронырливой Варваре.
Пальцами-младенцами бандитка
схватит жадно – так по-человечьи! –
млечный цветик, зад почешет прытко
и скакнёт к хозяину на плечи.

Уличный фотограф, друг-знакомый,
помнишь, той весною, с игуаной
на плече, сновал ты? Здравствуй, гомо
сапиенс, гомункул неустанный!
За год сдохла игуана Инна,
с ходу укатал её бардак наш.
Вроде, и живучая скотина,
а не одолела здешний шабаш.

Пропадают здесь экзоты-звери,
мы же, по привычке, выживая,
вдоль завалов мусорных мистерий
добредём, мой зверолоб, до мая.
Не успеешь оглянуться, братец, –
вспыхнет май сиренью нежно-горькой!
Что там, ухватив тебя за палец,
Варя тарахтит скороговоркой?

2014

* * *

«Мы идём по Уругваю – пели пионеры хором
в лагере завода «Поршень» – ночь, хоть выколи глаза!»
А в пропащем Парагвае – ввали «Правда» со спецкорром –
злой диктатор, карлик Стресснер по ночам рубил леса,

ром лакал, гнобил народы, ел сограждан доброй воли,
день за днём все соки-воды лил на мельницы врагов...
«Мы идём по Уругваю!» – сладко пить текилу с солью,
в поезде ползя чумазом вдоль мазутных берегов.

Здесь, в краю, где сверхсекретный ядерный
бомбардировщик,
прикрывая серп и молот, серый морок бороздит,
где наряды по рубль сорок пишет хмурый нормировщик,
и закат пунктиром режет огнедышащий болид,

здесь – вовек не мытый поезд и не будут мыть, похоже.
Но вдоль радуг Уругвая держит путь мой паровоз.
В нём плыву я вдоль по сельве, по отчизне краснокожей,
тот же прежний – отрок с песней, терминатор майских
гроз...

2014

ГОЛОСА

Негры в белых рубашках и в бабочках чёрных
с шумом-гомоном пиво на Пушкинской пьют.
Я же, труженик местный, из масс, обречённых
на копеечный, – даром, что творческий, – труд,
здесь в кафе у метро, под зонтом полотняным,
с чашкой кофе присел – и прочувствовать рад,
как студенты из Африки тембром гортанным,
нутряным, – между львом бы, сказать, и орланом, –
по-французски горланят, по-свойски трубят.

Ибо слышу я – этот же звук полнокровно
Александр-стихотворец в хорей свой внедрил,
а в ядрёный свой ямб – те же гулкие волны,
тут же пурпур упругий и киноварь жил.
Негры в белых рубашках, в очках фармацевты,
батареи бутылок устали стол.
Не давал я за вход ни сантима, ни цента,
но вернулся, – тональностью ниже, – в Сорренто,
по безналу на праздник вокала прошёл.

2014

ТРИПТИХ ВОЙНЫ

1.

Евгену Маланюку

Ты прав, поэт,— ещё не в чёрном осень.
а в полноцвѣтьѣ. Будто бы весна,
зеркально отражаясь, дарит просинь
в анабиозе длящегося сна.
Ты прав — нам наша горькая молитва
и жертвенность даны из отчих дней.
И здесь лишь нашей кровью длится битва,
где мать зовѣт на помощь сыновей.
Ты прав — сегодня снова та же сила,
что и в тебя стреляла век назад,

вбивает злобно в братские могилы
без счѣту нас — за чёрным рядом ряд...
Опять, кромсая имя, честь, свободу
Перворуси, имперский вездеход,
к обрыву прѣт. И к гибели-исходу
покорную орду свою ведѣт...
А всё ж, на зло войне, прекрасна осень.
И над землѣй пылает пламя астр.
И, сердцем солнца ударяя оземь,
зелѣным пухом оживляют озимь —
Сварог, Дажьбог, Христос и Зороастр.

2.

Восприемник слоёв и сфер,
светлым шумом дыши, живи!
И не сможет сжечь Люцифер
твой соломенный храм на крови.

О брусничный твой, хвойный храм
обломает все когти Зверь.
Будет хрипнуть в петле, как Саддам,
Муаммаром рыдать «Харам» –
будет скоро, уже теперь...

3.

Багровой краской приукрасив рот,
в джинсу дыряво-дерзкую одета,
вдоль трассы осень-беженка бредёт –
вослед смертельной перебранке лета.
Почём её нечистая любовь?
Какой по счёту тысячей убитых
пресытится испорченная кровь
нетопыря, царя во московитах?

Спалили юных, закопали свет
Господних глаз, мальчишеских лампадок...
Прощенья нет. И лживой пьянки нет,
где братский самогон был крепко-сладок.
И в горле матюгом застряла речь,
которой жил, дышал, молился Богу...
Ошметки марли сыплет осень с плеч
на гиблую ростовскую дорогу.

По ней орда чекистов-чикотил
гремит мазутным траковым железом.
Как долго ты в чаду обмана жил,
в иллюзионе, что состряпан бесом!
Там и доныне кличут Русью то,
что есть лишь срам её и унижение.
Там дутый карлик, шут из шапито,
плюёт в десятку ядом, метит в сто,
жужжит во лжи и танки шлёт в сраженья...

2014

II

Настурци

НАСТУРЦИИ, ЛУГАНСК

Пять лепестков – настурции воронка.
Как нежно, пряно пахнет плоть её!
Она – из тех, не рвущихся, где тонко,
из защитивших прошлое моё.
Одной безмолвной вспышкой миновало –
и не поверишь! – шесть десятков лет.
И, как в речёвках смысла не бывало
все годы, так его и ныне нет.

Трещали, ввали, били в барабаны
о братстве, о всевидящем Отце,
чтоб шли сегодня на убой бараны
при полководце, волке-подлеце,
чтоб там, где ты вела меня вдоль сада,
вдоль радуги, кормилица моя,
дымились ключья смысла, мира, града
и очи юных ела бы змея.

Но вижу мой Луганск, настурций грядку
в том первородном Марфином саду...
Когда ж нас всех уроют по порядку,
я грешной тенью в этот рай войду,
где светит мой цветок горячим оком
и шепчет клятву самых верных губ...
Как пахнет счастьем, горьким и далёким,
его кроващих лепестков раструб!

2014

ПЕРЕД ДОРОГОЙ

Стоял июль, и в полнолуние
был странно светлым поздний час,
как некий зов и ток раздумья
о том, что ждёт в дороге нас.
Над белой крепостью вокзала
взошла высокая звезда –
со мной на площади встречала
и провожала поезда.

Рассыпав бисер, Млечный пояс,
она всё пела мне о том,
что близок свадебный наш поезд
с кометным огненным хвостом...
Я знал, что где-то с нами рядом
давно промчался тот состав,
но под её влюблённым взглядом
молчал, ни звуком не соврав..

Навстречу редким полупьяным
я трижды площадь обогнул,
над башней, камнем-инкерманом,
ведя зрачком – её одну...
Когда ж по плану и по месту,
железный поезд мой ушёл,
неслась небесная невеста
вослед ему за переезды –
в слезах, светясь, как нагишом...

2013

СТРАНСТВИЯ

1.

О странствиях, о пылкой ли охоте
опять душа тревожится и кличет?
Иль о любовном нечете и чёте,
который всякий раз – начёт и вычет?
И снова плоть – в крови-колоратуре,
в височном пульсе, в золотистых икрах
звенит, гудит о честной пуле-дуре,
о полных риска искромётных играх.
Всё крепнет мысль, что с упряжью-уздой
тебе не сжиться до исхода века.

Под средиземноморскою звездою
ты снова видишь царственного грека –
и парус Одиссея полон зова.
Хрустит пергамент, молод, словно зависть.
И в море вновь свежак несёт полову,
в зернистом слове оживляя завязь.
Вот так бы просыпаться – век в дороге,
мешая с ветром солнечную просинь,
где мчатся над волной единороги,
где ясно помнят эллинские боги –
душа-Психея вечной тяги просит!

2.

Е.

Всё! Наконец домой вернуться
с тропы бродяжьей и случайной,
линялым усом окунуться
в расплав крепчайшей гущи чайной.
Лаская груз фамильной чашки,
под перезвоны разговора
кольнуть клыком, чуть одичавшим,
глазурь забытого фарфора...

Как дышат разноцветной плотью
на книжных полках царства граций!
Как плавно складни переплётов
тебе навстречу отворятся!
И страстно вскрикнет половица
древесным плетивом волокон,
и озарится гладь страницы
кошачьим оком, спектром окон!

И, дрогнув эхом, обернётся
иною рукописью время.
И дым пространства чуть качнётся...
А надо всем и надо всеми –
щемящий свет дочерней тайны,
свечение детской млечной кожи,
глаза, что всё необычайней,
всё больше на твои похожи...

АНГЕЛЫ

1. Зимний дуэт

Завершая тринадцатый год,
ты промчишься по скользanke ловко.
Снег с утра неустанно идёт,
зябко мокнет кроссовок шнуровка.
И хоть снова морозится шиш
нам, романтикам двух революций,
с зимней родины не улетишь
даже в самом неоновом блюде.

Стану думать, что главный отлёт
подгадаю ни поздно, ни рано.
Снег над тучною почвой идёт,
чист и лёгок, как меццо-сопрано.
То поёшь ты с Алиной дуэт.
«Голос ангельский, честное слово!» –
умиляется дряхлый поэт
из соседнего ряда второго.

И в бельканто своём молодом
ты летишь, догоняя Шопена.
А на улице медленным сном
снег ложится на отчий Содом,
на геном вековечного плена...
Улетай! Я опять остаюсь –
сторожить дорожную дорогу.

В чёрный свет, в белый свет помолюсь,
словно впрямь не чужие мы Богу.

2013

2. В пути

Чёрно-белые псы и сороки
нам дорогу пересекали.
Под февральской корою соки
в полусне лепетали едва ли.
В зимнем ветре гуляла брага,
за Ельцом опять запуржило.
И стремглав неслась колымага –
лошадино-железная жила.

Хорошо б долететь до места,
не сломали бы крыльев сроки –
костяная не спит невеста,
всё слоняется вдоль дороги.
Проскочить бы вдоль поворота
на промёрзлой звенящей шине...
Греет гулкую кровь забота –
колесить с утра по равнине,

по овражной, непокаянной...
Ночью выюжит, с утра подтает.
На снегу спиной – то ли пьяный,
то ли мёртвый – мужик отдыхает.
И слетает к нему осторожно –
может, ангел, а может, знахарь –
с чёрно-белой сосны придорожной
ярко-праздничный голубь-вахирь.

3. Янгол огня

Слабый прячет от солнца глаза за стеклом кругло-чёрным.
Ну, а я заедаю свой день баклажаном перчёным,
запиваю вином – то «Медвежьей кровью», то «Бычьей» –
и блюду солнцелюбие свое, словно мести обычай.
И неделю до Спаса смолюсь на ракушке каленой,
ибо моет подошвы мне Понт, мой креститель исконный,
ибо был я в зубах истукана, в присосках у гнома,
но не предал ни речи коханой, ни кода-генома.

Ты попробуй сожри меня, местное время, без соли
и попробуй поймай меня на нестихающей боли!
Я ведь солнцем омыл и сердечную мышцу и жабры
и поставил шалаш над расщелиной абракадабры.
Я – из прежних, из тех, что в степи этой варварской жили
и в жемчужницу речи кремь-наконечник вложили.
Дорожает, звеня, золотая мембрана зенита,
крепнет янгол огня: «Все, кто выжил, – с убитыми
КВИТЫ...»

ПЕСНИ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Было время – ты пел и играл на гитаре,
пальцы, не позабывшие, тянутся к струнам...
Проходил в даровом августовском загаре
по задворкам разбитым, но дерзким и юным.
Рифмы радиоточек «народы-восходы»
не жалели на марше казённой обуви,
и за старый пятак продавали газводу
из фанерной, с жестянками-«Крабами», будки.
Победившей страны малолетняя поросль
оживала, ржаной золотясь головою,
голосами звеня, коллективно и порознь,
по-над гарью, поросшей зелёной травой.

А ты пел под гитару – я помню, я слышу –
озаряясь негромкой, но искренней силой.
И трёхструнным аккордом хмельного дядь Мишу
от безногой тоски твоя тишь уносила.
Не гремит он давно деревянной тележкой,
а лицо его, осоловелое, злое,
в ту минуту светлело, почти безмятежно,
и осталось такое, доньше такое...
Кто там снова, созвучью другому навстречу,
вторит медью гвардейского иконостаса?
То учитель – военные твёрдые плечи,
тёмно-грозные очи родителя Спаса...

Репродуктор долбил неустанно и гордо
о невиданно щедром стотысячном росте.
Ну, а пальцы всё помнят четыре аккорда,

словно стынут в изломе сращённые кости.
И суровые люди особого сорта,
необманной души столбовое сословье,
снова молча идут по ступеням аккорда,
несмиренной даря, несдающейся кровью,
наделяя лихою тревогою века,
до кости, до корней иссечённой землёю...
И судьба – без глотка материнского млека –
всё хранит и хранит этот дар над тобою.

1980-ые, 2013

* * *

Магеллановы гуси над миром летят,
чёрно-белые звонкие птицы.
Сильным крыльям четыре столетия подряд
в неустанном полёте не спится.
Надо льдами, над Огненной скальной землёй,
над огромным тугим океаном
неподкупною стайей летят, надо мной,
над Афоном, над дымным Афганом.

Всё опасней, всё круче планета кругла
со времён Магеллановых странствий.
И всё множатся блики – удары крыла
в неразрывном едином пространстве.
Всё тревожнее над головою кричат
дальнозоркие вещие птицы –
если вздыбится ад у Чернобыльских врат,
в Скандинавии смерч разразится...

Если гильзы чадят средь афганских камней
под Гератом и под Кандагаром,
значит, синие очи днепровских парней
потухают, сгорают задаром...
А к нему, кто вернулся без ног до колен,
кто в глаза смотрит ранено, зыбко,
как прорвусь через лживый державный рефрен
со словами, что вышла ошибка?..

Не вернуть двадцать тысяч убитых солдат,
не возвысить сусальным обманом.

Кругосветные вестники с плачем летят
над Союзом, над Афганистаном.
И надгробные звёзды в оградах молчат
на земле – без огня, без алтына.
Помертвевший отец за ночь вырубил сад,
что сажал в день рождения сына...

1986, 2015

* * *

И.

Легко ль по кругу пить густой портвейн из банки
в полуденную ярь, в гурзуфскую жару? –
Античных тех времён искристую изнанку
в полночные края с собой я заберу.
Как быстро, день за днём, истает четверть века!
Но ярче горстка дней, зернистей, чем года...
Ау, вам – дважды два – четыре человека!
Прозрачна ль навсегда понтийская вода?
Свежа, живым-жива июльская картина,
где веток светотень – узорное тавро

Тавриды, где смуглее, чем золото, Ирина,
где никелевый кэш блестит, как серебро.
Желтеет алыча. Улыбчивы дворняги.
По вытертым камням приморской крутизны
мы сходим вчетвером, и выцветшие флаги
над мачтами фелюг теплом напоены.
И дышит всё свежей тех колеров богатство:
залива пламень-синь и хна бродяг-собак.
И жив июльский слайд – непреданное братство,
нагретый солнцем пирс и сфинкс его – рыбаки...

2013

* * *

Серафим летел на Симферополь,
семафор – до лампочки ему,
и гонца в вечернем небе тополь
узнавал по светлому уму.
Он летел, дыша закатом сонным
и любовным трепетом листвы,
и кивал в полёте Крымским склонам
благородной розой головы.

А внизу и я, в вагоне душном,
в клетке, переполненной людьми,
спать не спал – всё думал о минувшем,
о навек минувшем, чёрт возьми...
Но хранитель мой, по знаку Божью,
над железкой к морю курс держал,
чтоб не вытряс мне всю душу дрожью
поездных колёсных пар металл,

чтоб с утра в Крыму цвела софора,
и двумя морями пахла Керчь,
чтоб не стал я думать в эту пору,
как себя по-гоголевски сжечь.
Ведь со мною тот, кого я помню
тёплым гулом крови родовым,
тот, кому давно машу ладонью,
тот, за кем я ринулся в погоню
в самом первом детстве: «Серафим!»

2013

УСПЕТЬ НА ЭЛЕКТРИЧКУ

Вновь лаванды с листом эвкалипта
намешаю в походный кисет.
Ворожит разворот манускрипта –
створки окон распахнуты в свет.
Значит, снова пора мне в дорогу!
На ходу, на бегу, на лету
буду веровать пешему богу
и пахучему зелью-листу.

С тем-то и наостряю копыта,
тем и манит цветок-анаша,
что с обочин – пчелиного мыта
наберёт на всю зиму душа.
Вот и снова я на электричку
успеваю – минута в мину...
Алычи жёлтоплодная дичка
зреет в зное, в гаремном плену.

И стрижи над вокзалом Гезлёва,
над горячей железкой свистят.
И полётное вольное слово
в путь мне жалует перистый брат.
Оберег с благовонной травой –
вдох и выдох в моём рюкзаке.
И, как будто сто рифм надо мною,
стая птиц – в синеве, налегке...

2013

* * *

В. К.

Открылся магазин «Живые вина Крыма»
И, без улёта в Крым, вникаешь от и до
в вино «Кара-Чанах», молитву караима
и в киноварь богов Тавриды – «Бастардо».
Мы сорок с гаком лет одни твердили мантры,
но сжёг себя мой брат в запое день за днём.
И как мне не прийти в «Живые вина» завтра,
не помянуть его и не вздохнуть о нём?..

Уплыл мой Магеллан, мой штурман сопромата,
шутник и звездочёт, и труженик наук.
Остались миф и быль – не кляты и не мяты –
июль, вулкан Кагель, волны понтийской звук.
Нам снова двадцать лет. И мы не пьём – вкушаем,
душою становясь ветвистей и полней.
И набухает жизнь зернистым урожаем
смородинных ночей и виноградных дней...

Не в курсе я борьбы с циррозом в блоке НАТО,
но знаю, что в моей внеблоковой стране,
кто сердцем подобрей, сбегает в алконавты,
сгорает без вины и топится в вине.
Кто ж снова мне звонит и произносит в трубку
простое слово «друг», как самый верный стих?
Надеюсь, там, в раю, из призового кубка
не выпьешь весь запас. Оставишь для двоих...

2013

* * *

В июне вынылчил лопух
листы в серебряной опушке.
Сквозь шалый тополиный пух
гудят весь день шмелей пирушки.
Кому-то – жар, иному – зной,
а сам я – фрукт солнцестоянья,
и всё щедрее надо мной
горячих полдней ликования.

И не сказать, как хороши
июньских ливней перебежки,
что с цвета лип, с ветвей души
смывают трезвости издержки.
Искрись, прохладное вино!
Клянусь, что в жаркую погоду
и духу радостно оно,
и дарит брызги вольт катоду

или канону языка...
И в этих искрах – привкус солнца,
и вторит с перышком рука
клавирам, клиньям вавилонца.
Плодись, июньская земля.
Пока мы живы, мы не стары!
Об этом – Моцарта ля-ля,
альтовые круги шмеля
и всех хореев тары-бары!

1996, 2013

* * *

Каждый изломан, шарадою скручен –
вроде тебя.

Нету путей вдоль извилин, излучин,
и лишь любя,
самым последним порывом, посылом,
рвёшься успеть
к заводям, неувядаемо милым,
дабы их сеть –

ивовых гибко-девических веток –
пела своё,
чтоб зимородок, смарагдово-меток,
птица-копё,
бил бы в пике в серебрянку уклеики,
шёл в вертикаль...
Старость нищает, и яркой копейки,
бронзовой, жаль –

той, что сверкнула и канула в воды
с медью крючка,
под феерический веер удода,
с пеньем смычка,
с былкой полыни, с игруньей-кобылкой
там, где зверьё, –
тролли, в обносках, но в щедрости пылкой, –
пилят сушняк насекомю пилкой,
варят над золотоносною жилкой
счастье твоё...

2013

* * *

Свежее дышат ночи, холодной
теперь, когда на середине август.
А дерево, в плодах-очах, как Аргус,
не хочет стужи и молчит о ней.
О, яблони глазастые мои,
мальчишества ничейные наливывы!
Похоже, я старею, и не диво,
что проиграть готов свои бои...

Но проиграть и выиграть – в одном,
по-честному намешанном, флаконе! –
Где дыбятся шампаня, сидра кони,
где полон август Гауссом-вином,
тем самым – в интегралах на разлив,
в двойных, тройных и прочих многократных...
Гляди, опять лиловые кроны слив
и детская рубашка – в свежих пятнах!

2013

ИНДИГО

Индиго Инда и индиго Ганга
и Раджастана жгучая лазурь
от полустанка и до полустанка
вели тебя, вдоль постоянной Планка,
сквозь хмарь родную, родовую хмурь.

И остовы-скелеты химзаводов,
и рельсов ржу, и креозоты шпал,
асбест и стеклоткань трубопроводов
и безымянный пепел ста народов
ты на ходу вдыхал и выдыхал.

И вдоль предзимней просини Ингула
вели тебя Арсений и Евгений –
Тарковский, Маланюк. Сводило скулы
студёной пустотой. С лимана дуло,
на путь к истоку был благословен.

Упорно к ясной сини, к звону гонга
тянулся твой семиколенный код,
и твой геном, и уха перепонка,
под молоточком наковальня-плёнка,
и киноварь, крови круговорот.

Ты – тот, кто есть. Индиго индикатор
живёт в тебе и правит речь твою.
Когда пойдёт ко дну чурбан диктатор,
дугой-омегой пенный твой форватер
вскипит у синей бухты на краю.

2013

В КЕРЧИ С ГЕОРГИЕМ ШЕНГЕЛИ

Следы умершего поэта,
сполна живущего в стихах,
искал я два последних лета
на жёлтых керченских холмах.
Искал – и в тутошной Боспорской
Элладе, в мареве царей,
и средь засилья бутафорской
туфты завравшихся идей,

средь догм, окрасивших бордюры
Керчи в кроваво-бычий цвет...
Бугрятся идолищ фигуры,
но их, пустопорожних, нет
в фактуре, в плотности столетий,
в контексте полновесных снов,
чья суть и форма – волны, сети,
шаров серебряных улов.

Я здесь нашёл следы Шенгели –
как двадцать пять веков назад,
сады сверкали, шелестели
листой. И деспот Митридат
всё царство завещал поэту –
развалины дворца, Боспор,
Азов и Понт, и речку Лету
в тени орехов и софор.

Здесь два Георгиевых брата
драконьим срублены хвостом.

А ирод, идол Герострата,
всё тычет каменным перстом
туда, куда и днесь, и присно
нас наши худшие ведут,
где над большой больной отчизной
недужен – на безбожье! – труд...

Но к счастью я узнал, на фоне
всё преломляющих зеркал,
его зрачок! В лепном фронте
он кодом Морзе промерцал.
Его маяк снесён полвека,
но он, средь слов и синкоп,
сберёг канон, виолы деку,
хрусталика калейдоскоп.

Он, знавший – умереть не трудно.
Больней, страшнее – умирать...
Копись и серебрись подспудно
для ловчей сети, рыба рать!
Мы, два ловца, двойною тенью,
пойдём вдоль древних берегов
к сакральности кровосмешенья,
к Ени-Кале, к преображенью
ковыльных, дымчатых веков...

2013

* * *

Поздно, поздно, Георгий!
Ты пятый десяток ломаешь...

Г. Шенгели

Не поздно, не поздно, Георгий!
Десяток страниц перечту
и веку безнравственных оргий
тебя в искупление зачту.

Пуškai властолюбье и жадность
целуют друг друга взасос.
Симметрий глубинная складность
вольна обессмертить всерьёз!

Разжижена кровь ли бензином,
ванессы ли смяты в сачках...
Но ты не убит никотином,
пловец, теоретик в очках,

чей браунинг яркой игрушкой,
как рифма, сияет на ять.
Пусть ядра под Царскою пушкой
похожи на ящера кладь.

Рептилией из гуттаперчи,
мясной анакондой Москвой –
пускай ты и пойман. Но в Керчи
на пантикапейские плечи
садится цветок твоей речи –
трепещет, летучий, морской.

2013

* * *

Плоды садов и сновидений!
Сроднившись с вами наяву,
глядишь, всю заумь зимних бдений,
все льды-бугры переживу.
Все ливни пополам со снегом,
любовь с обидой пополам
осилю. И с плешивым мехом
ушанку в секонд-хэнд отдам.

Месяцеслов, однако ж, смутен,
когда за январём февраль
бредёт, поддатый, как Распутин,
прёт на рожон и на шкандаль.
Его недаром кличут «лютый».
С утра на подневольный труд
он, в валяный сапог обутый,
бредёт, насуплен, зол, надут,

поскольку витамина мало
в его натуре продувной...
А я припомню, как, бывало,
мы с другом тяпнем по одной,
дабы верней осилить зиму –
февраль, всех троллей, всех вралей.
О зимний сон! Стыда не иму –
машу рукою пилигриму,
румяных яблок побратиму,
в распахе новых летних дней!

2013

* * *

Говори на лунфардо, шути на жуаль
и рифмуй – хоть на суржике, хоть на трасянке.
Электричка, от станции Электросталь
отойдя, утопает в сугробах обманки.
Ворон-мытарь хрипит над Холодной горой
слободской, над базаром-вокзалом Шулявки.
И зачатый во тьме атеизма герой
с детонатором бродит у бензозаправки.

На ветру Азнавура дрожит козлетон –
то ли здешний блатняк притворился шансоном,
то ли пёс, именуемый Армагеддон,
завывает над рано темнеющим лоном.
В самый раз – помолчать на студёном родном
и на всех языках вавилонской напасти
о единственном смысле, навеки одном, –
о глубинно-предсмертном предчувствии счастья...
И жестокая полночь наждачных снегов
и на чёрном суку санитарная птица
на языческой фене бездетных богов
не устанут во сне о Младенце молиться.
Но безумная бритва хрустит в кулаке,
отсекая третейские головы судьям.
Хоть в конце бы, на снежном уже языке,
не соврать. Хоть отпеты по совести будем...

2012

* * *

Одним не скудеешь, нагая земля,
под ветром, под взмахами плети –
светящейся плотью... Родят и поля,
и девы, вчерашние дети.
Державным бичом, дележом да ножом
столетья тебя привечали.
Но тощим коржом, горевым куражом
жила – избывала печали.
Над осенью Ересиаршских прудов,
над гулко-предзимнею тишью,

над оторопью обречённых садов
вдыхаю твоё светлокнижье.
Да не оскудеешь! – Над пагубой свар
младенец Завета родится,
понеже и впрямь одоления дар
несёшь ты во чреве, царица!
Вдоль Ересиаршских, вдоль яви и сна,
пройдёшь, проплывёшь, Берегиня.
Во взоре – осеннее небо без дна,
и грешные губы в малине.

2012

ГРОЗА
НАД АНДРЕЕВСКИМ СПУСКОМ

Над летним Киевом гроза –
на кручи, на Подол низверглись
отвесным ливнем небеса,
неодолимо, словно ересь.
Как будто сам гонимый бог,
древлянский лыковый Юпитер, –
в долготерпенье изнемог,
допил свой ковш и губы вытер,

и там, где путь изгнания лёг
змеей Андреевского взвоза,
гремит Перун, опальный бог,
и мечет молнии и слёзы...
Над семихолмием гроза –
дубовый идол выдыбает,
и птиц испуганных глаза
от гнева крыши не избавят.

И стук окон, и жести звон,
и стёкол сыплются шрапнели...
Но дерзко к тучам вознесён
лазурно-белый храм Растрелли.
И вот, в последний раз рыча,
на маковки метнулись громы.
И семицветная парча,
скользнув с Перунова плеча,
легла дугою невесомо...

* * *

Начистоту и начисто. Иначе –
не стоит шумом загрязнять эфир.
Ответ арифметической задачи
на бланке нацарапает кассир.
Но там, где под звездою властнотлицей
сквозь мнимость чисел брезжит алгоритм,
опять душа, глагола ученица,
влагает смыслы в междометья битв.

И сквозь туман, где без ума, без чувства,
без рифмы гибнет проза ноября,
ей видится, что в слабости искусства
прицелы сил скрываются не зря...
Танцуют звёзды в линзе телескопа,
и Атлантиды сфинкс на зыбком дне
все десять тысяч лет и зим нон-стопа
подмигивает из глубин потопа
транжирящей наследие родне...

2012

РОДНОЙ ПСИНЕ

Золотая, с чёрным чепраком,
чёртовою дюжиной ребяток
ощенилась. Сучьим молоком
чмокают. И мир их – слеп и сладок.
Ладно, Лада, густопсовый лад
на дворе – Совок и непогода.
Зыря в гущу козлиц и ягнят,
щурит глаз партийных сук порода.

Что со мной по-сталински отец
строг-суров, что с Ладой. А – заботлив.
И к ноябрьской дате холодец
сварит мама – раз, второй за год ли...
Дом прокурен «Примой»-табаком,
вымя мнёт орава собачаток.
Во всё горло сватает обком
трудодню маисовый початок

и всей глоткой славит честь и ум
там, «где их и близко не стояло»,
чтобы вполз мутантом кума кум
в заправилы нынешнего бала...
И куда же, псина, мы бредём
вдоль осенней золотой посадки
там, где вслед Обломову – облом,
где скулит чуть слышно отчий дом
над кривым обрывом правды-матки?..

* * *

Заплёлся диким виноградом
шестидесятилетний сад.
И я с ним рос все годы рядом.
И тоже сумме дней не рад.
Заплёлся хаосом вторжений
и ненасытностью лиан
свидетель всех моих сражений
и всех, поросших былью, ран.

Вот снова лёгких туч кочевья
летят над маем во хмелю.
И я печальные деревья
лечу – сушняк ветвей пилю.
А солнце так сияет, словно
прогонит всех смертей недуг.
Фиалки вьют гнездо укромно.
И ты целишь меня безмолвно,
мой лекарь-сад, мой знахарь-друг.

2013

* * *

Альтист ли Данилов, Бахыт ли Кенжеев –
пройду и рукой на ходу помашу.
И глядя мне вслед, постовой Кривошеев
легко дососёт полбутылки «жу-жу».
И что-то Безруков вкопает под шпалы –
тротил ли подложит под царство чудес?
Над правдой погоста молчит, ёлы-палы,
ни слова не помнящий смешанный лес.
Живится размолом костей древесина,
проснувшись, трепещет всей грудью листок.
Мычит у колхозной кормушки скотина,
но ввысь на орбиту стартует «Восток».
В нём радостно лыбится Юрий Гагарин,
которому, гжатскоиу, всё ни по чём,

поскольку он сам по себе лучезарен,
зачат Ильичом и подписан Хрущом...
Но кто это по бездорожью генсеков,
по глине, по снегу, не зря, неспроста,
спешит отыскать посреди человеков
Андрея Платонова – в шрамах Христа?
Да сказано будет. Да кровью омыто.
Да сердцем исторгнуто в стужу пустот.
А время, содрав с тебя шкуру, как мыто,
в тебе предпогибельный звук сбережёт.

И даст утешенье в простой теореме:
полюбишь свежей из-под глин на юру –
и скрипы корней, и летучее семя,
и колкие ветки на крёстном ветру...

2012

НА ИНГУЛЕ

Здесь камень в крепость заложил Суворов,
здесь Пушкин заложил за воротник,
в полках Полканом выл казачий норов,
Елизавету здесь, во френче боров
сменил – вельможный Киров-большевик
в названии ингульского Парижа.
Но вот раздался грохот – весть о том,
что идол к почве стал заметно ближе,
захлёстнутый удавкой бесстыже,
сметённый с пьедестала, в землю лбом,

по воле масс. Что грязью чернозёма
измазан изваяния чугуна.
Ей Богу, будет там, на свалке, – дома
один из холуёв рябого гнома,
при Кобе-кобре вьют и говорун...
И кто назвал бы город Песнеградом,
в Мелодиополь ныне б окрестил?
Чтоб и с Тарковским, и с Казённым садом
шептались бы рядки, – сестрица с братом, –
суворовских и жуковских могил...

2014

* * *

Сбылась моя мечта – брожу себе по свету
и песню ни о чём чуть слышно бормочу.
Приветлива земля, а от людей привета,
наверное, не жду, должно быть, не хочу.
Покорны и грустны осенние деревья,
их кротости к лицу часовни белизна.
Багрец и тишина. Ничейные кочевья
пустынны, но полны воздушного вина.

О чём я ни смолчу, а помню всё о том же:
«Спасибо, краткий век, за вечную красу!»
Задуют холода, но, пеший-перехожий,
шиповника кармин я в сердце унесу.
Последний листопад самим собой томится.
В цыганских лоскутах пылает клёнов знать.
А нам, щепоть синиц, – о, троица, седмица! –
счастливых колких слёз не счесть и не унять...

1996, 2012

* * *

Среди омел – гнездо сорочье
на самой верхотуре клёна.
Холодный ветер режет очи,
но март теплеет потаённо.
В нём смесью зелени и сини
сорочьи отливают перья –
так на зеркальной гильотине
играют радужные звери.

И вместе с птицей я надеюсь
на послабление энтропии.
Термодинамика – не ересь,
но мы поднимем веки Вия.
Но чувство есть – ещё продлится
метафор солнечная стая
и грозоносные зарницы
ещё прочтут стихов страницы,
тетрадь апрельскую листая.

2014

* * *

Голубь грудастый, – мохнатые белые шпоры, –
радужной шеей сияет, как выигрыш-кубок,
глупый оранжевый глаз многоженца-мажора
пучит в надежде на новых весенних голубок.
Сей доминантный петух, ненасытная птица –
весь аллегория о человеке и хлебе:
тот, кому выпало дутьшем пешим родиться,
умкою-турманом не разгуляется в небе.

Белой пернатою розой, махровым пионом
не развернёт лепестков в турбулентном полёте
Крохи пайка – курам на смех, дворам приземлённым.
Вам же, летучие, – всё, что средь высей найдёте:
аквамарины размах на все стороны мира
и под крылом – облаков лучезарное море.
Полнится май, и стрижи, копыеносцы эфира,
свищут, паруются в небе, в пространстве лав стори.

2014

* * *

*Игорю Муханову,
Алёне Цами*

Пишут добрые люди с Алтая:
«Вы дышите – да будут стихи!»
И, над зеленью мая взлетая,
я вдыхаю каштанов верхи.
Пишут издали Божии люди,
с луговин золотистых коней:
«Голова Иоанна – на блюде.
Где ж воспрявшие духом над ней?»

Мало их. И всё множится Ирод,
млечных чад о камня мозжит.
Ров окопный вдоль времени вырыт,
полон жертв и доднесь не зарыт.
О, узреть бы Алтайские горы –
ровный ряд философских голов,
где витающий Будда к укору
даже краем ресниц не готов!

Где рассветная бодрость спокойно
ранний инь сочетает и янь...
А вот счесть ли мне здесь мои войны,
Боголюбский, Таврида, Лугань?
Претерпеть ли мне в сердце безумье
родовых вырожденческих лет?
Чую, зреют в зазубренном чуме
сорок чум, сорок судных побед...

А певучие люди с Алтая,
что Уралом укрыт от Кремля,
кличут. И откликаюсь – летаю,
пустоглазого аспида зля.
И над Киевом, над Мачу-Пикчу
пролетая средь облачных стай,
постигаю фонетику птичью,
и вращает в небесную притчу
лебединой гортанью Алтай.

2014

ДИПТИХ 31 МАЯ

Маме, в её день

1.

Ау, гуманный увалень старинный!
Когда же ты устанешь, повзрослев,
оплакивать опавший цвет жасмина
и белый флёр каштановых деревьев?
Всю ту красу, что наземь ливень плотный
сбивает... Слушай – крепнет вещий звон
о том, что ход событий безысходный
сжимает ныне круг со всех сторон.
И плач смешон по лепесткам, ведь завтра –
уже июнь, и беженка-весна

уйдёт, чтоб на когтях тиранозавра
вломила в лето хищница-война. –
Чтоб весь июнь, июль и август зноем
разверстой пасти выморить до тла,
чтоб этот мир оставить не героям,
но хаосу безбожия и зла...
Покайся, ибо слаб. Пуста уловка
оправдываться путаницей вех.
Тот самый Суд. И рекогносцировка
окончена, и зверь сверкает ковка,
и смертен грех – уже один на всех...

2014

2.

Стрижи летают высоко,
веща ясный день на завтра.
До невесомости легко
парит над вязкой кривдой правда:
и ты уйдёшь, и все уйдут,
кто ныне жилы рвёт в запале.
Пребудут лишь стрижи минут,
что в небе и в душе летали –
одновременно здесь и там,
и в ярко-синей тайне Бога,

и вдоль химер наземных драм,
мятущихся без эпилога, –
над суриком, над жестью крыш,
где за окном чердачным пыльным
ты, отрок, пёрышком скрипишь,
любвеобильным, семижилым.
И золотится девясил
внизу, одушевляя глину,
которой век ты дань носил,
чтоб все холмы родных могил
собрать любовью воедино...

2014

КИЕВСКИЙ ДИПТИХ

1. Киев

Питер мечен костями, Москва – разливанною кровью,
а в Софийской свече оплывает расплавленный воск.
Даже если уснёшь, подлетает тоска к изголовью
и заточенным клювом голодным впивается в мозг.
Питер – в чаде болот, над Москвою – пурга-завируха,
а по нищему граду когда-то великих князей
неспроста протащила клюку да котомку старуха
и прошамкала рваною пастью: «Чекайте вестей...»

Это был белостенный, судьбою возвышенный, город,
где над зеленью круч золотились шеломы ворот.
А сегодня змея лихоимства скользнула за ворот –
и никто в нём не чист, и по правде никто не живёт.
Если б мог я не знать, не любить... Не приклеиться кровью
к приснопевчим твоим временам, письмам, именам,
я б не видел в упор проглотившего совесть сословья,
и очей бы не ел мне базарный твой, шкурный бедлам.

Снова сердце мне рвёт едкий запах библейской полыни,
известковые лики тобой не спасённых детей.
О, как зря Иоаннову слову не внемлешь доныне! –
Ибо в нём для тебя откровенье: «Чекайте вестей...»
Если можешь, очнись у черты небывалого моря. –
Снова Бог твой утоплен тобой в почерневшем Днепре.
Покаяния нет. Хруст и рыканье волчьего жора.
И хрипит вороньё на кресте о батыйском костре...

1993

2. Улица Героев Небесной Сотни

Вьётся кругом над Киевом вьюга,
снежным ветром сечёт мне глаза.
Хеви-металл и Бахова fuga
окликают навывлет друг друга,
и ни ноты исправить нельзя.
Словно всё, что теснило, ломало,
душу тысячу пагубных лет,
вновь над мёрзлою почвой восстало –
просвистать сверхсекретное: «Мало,
мало смерти, предательств и бед...»
Здесь, вдоль улицы злой и горбатой,
что ни шаг – то надгробье, то крест...

Распростишься с кровавой ли ватой,
перекупщик, торгаш вороватый,
Киев-фест, петушиный насест?
Распростишься ль с дырою-ордою,
с чередой ненасытных царей,
со своею позорной уздою,
с рабской ложью и ленью своей?
Брат ли Каин крадёт моё имя,
изгаляясь и род мой черня? –
Над казнёнными здесь молодыми,
над сынами моими живыми
сердце полнится долгом Огня...

2014

III

*Жил, спешил,
наворожил*

* * *

Ветер, ветер, умник улиц!
Я люблю тебя, истца
и творца воздушных буквиз,
симфониста-игреца.
Как ты в свисте ритмы ищешь,
как ты, с хрустом, ветки рвёшь!
Ни одной железной крыши ж
без хард-рока не минёшь.
Я и сам – твоей породы:
то норд-ост, а то зюйд-вест.
Ливнем нежу огороды,
всласть листаю палимпсест,
то есть, книжицу такую,
где пергамент поскоблив,

поверх мая я рисую
август, яблочный налив.
Где над юностью неверной
«дождь» и «даждь» я рифмовал,
наживая эфемерный
ямбов-яблок капитал...
Тот, что цифрой не измеришь –
где не козырнёшь числом...
Ты один мне, братец, веришь,
ветер, знающий о том,
что уже не нужно много
в резюме – и слов, и сил,
в аннотации итога:
«Жил, спешил, наворожил...»

2013

* * *

Ещё все живы, вправду живы –
дед с бабушкой, отец и мать.
И сказок белого налива
на ветках не перечитать.
Ещё настурции на грядке,
на влажно дышащей, хмельной,
горят отважно без оглядки
багрянцем, жаркой желтизной.
И Марфа в сумерках из шланга
водицей потчует цветник.

И каждый куст мне – самобранка,
и мил мне воробьёв язык.
Там по-иному время длится –
не как теперь. Но я живу
в полновоздушной той светлице
и средь ветвей тех – наяву.
Хлебну зари из кружки мая
и между солнцем и дождём
вдоль радуги, вдоль арки рая,
на бронзовом жуке взлетаю,
навек лёгок на подъём...

2015

ОСТРОВА

Исла Эльба, Корсика, Сардиния,
весь в оливах, рай хорвата – Хвар.
Охрой почвы и смарагдом пинии
каждый остров, словно Буссенар,
дышит в удивлении, в предчувствии,
медно-красной пулей синий ствол
заряжая, чтоб из цельных уст его
в цель летел стремительный глагол...

А ещё был светел остров с ельником
посреди родной реки Донец,
где бродил ты ящериц подельником,
пастушонком облачных овец.
И, ни сном, ни духом об экзотике,
ни «гу-гу» о пёстрых островах,
проплывал на камышовом плотике
меж кувшинок в слобожанских снах.

В солнечных изломах семилетия
ликовали ритмикой, – без фраз, –
птичьи восклицанья-междометия,
плёса искромётный глаз-алмаз.
Вышивая Эльбу ли, Сардинию,
от Змиёва и начни стежок,
где жива купель золото-синяя,
заводь у Гайдар, ленивый линь её,
плот и мальчик, летних вод божок...

К СЕРДЦУ

Держись, большое, львиное, хмельное!
Пылай, багряный, средь зимы, цветок!
Даст Бог – с тобою я, а ты со мною,
ещё увидим утренний восток,
чтоб усмехнуться Македонцу солнца
и свежему девичеству зари.
И новых звонких обручений кольца
окликнут нас: «Умри, но не соври!»

Вчера по небу галок миллионы,
горланя бодро, двигались на юг
вдоль розоватых дуг антициклона.
И зимний день был ясен и упруг.
И мысль мелькнула: заодно с тобою,
в едином ритме, в замысле Творца,
стучат, моё тревожное, земное,
под камертонной ангельской трубою,
большого мира малые сердца.

2015

* . * *

Золотистая, с чёрным седлом,
с чепраком, как сказал бы собачник...
Знать бы час свой и хоть бы глазком
заглянуть в рукописный задачник –
в книгу снов, что все тексты судеб
меж двух скобок, двух дат поместила...
Над отцом моим – стопка и хлеб.
Над погостом – крикун ярkokрылый,

хват сорочий, трескучий чучмек,
жаждет жарким нутром угощенья.
Сжато жито, отец, и наш век
словно сжался в три кадра мгновенья,
где вдоль осени, тяги сквозной, –
счастлив бег золотистой овчарки.
Где, все трое, идём мы домой,
и, как в книге «Исход» чистовой,
на душе – ни единой помарки!

2012

* * *

Кузнец, кузнечик, кузя-кузовок,
конёк, кобылка, трын-травы жеребчик!
Пусть я опять не выучил урок –
ты мой советчик, за семь бед ответчик.
Пускай я жизнь до нитки промотал,
сплетясь со стрекозой-бесамемучей...
Но ты всегда ведь знал, мой магистрал:
страсть – это вывих, но бесспорно – лучший!

Сыграй, дружок, на былке-волокне
про то, как степь – полынно-горьковата,
как здешний скиф дикарствует во мне,
глазастей и безжалостней сармата.
И вслед напой, что снова ночь придёт,
наполнив тишиною чашу-душу...
Двойник мой и пришелец-антипод!
Суставчатость твою, – наоборот, –
и твой, с полуживой улыбкой, рот –
я просто должен пронести сквозь стужу.

2012

* * *

Есть нечто неизбывное и злое
исконно в человеческой судьбе.
И слабые слова у аналая
ни мне помочь ни в силах, ни тебе.
Есть обречённость там, в глубинном слое...
Её назвать и отвести нельзя,
как будто всё нечистое бывшее
тревожит, обличая и грозя.

Когда бы знать, за что награда эта,
чтоб год за годом не сходить с ума!
Но мстительных скелетов кастаньеты
вмурованы навек во все дома.
О, если б небо думало иначе!
Но нам ли ждать спасительных вестей?
О нас с тобою я давно не плачу.
Жалею малых ласковых детей...

1993, 2015

* * *

Мёдом не будь, ибо слижут в два счёта тебя,
ядом не стань – будешь наземь извергнут блевотой.
По горько-сладким сусекам с утра поскребя,
полнись высотной и полновоздушной заботой.
Век технологий гарцует, грызя удила.
Что ни опричник – в клешне золотая мобила.
Чудны, Отец, и чудны Твоей глины дела –
к хорде Адама цепляется Голема жила.
Синее, с каплею кобальта, светит стекло.
Марс ли искрит или Веспер на сколе флакона?

Чистому разуму на сто пудов повезло –
Гуссерля гусли гудят отголоском Сиона.
К Ясперсу в Гайдельберг на семинар ли спешишь –
дышит в глаза осевое, несущее время.
Воду и хлеб, и реки философской камыш
сердце вбирает, и чакрами чувствует темя.
Тихо мерцает во тьме гигабайтами сеть,
дивны, Отец, фолиантов шрифты и закладки.
Жить в очарованном мире и в нём умереть,
на уронив высоты на прокисшую твердь,
не разлюбив ни одной сокровенной загадки...

2013

* * *

Отрок неутомимый и нынешний зыбкий жилец!
Говорить с отраженьем своим – запредельно опасно.
Благо, к розовой маме давно подкатился отец,
чтоб решить мой вопрос по-мужски, неотложно и ясно.
Пламенел лишь вчера на ветру первомайский флажок,
а сегодня мой сад пересохлыми ветками ропщет.
Как советский, с горячей картошкой, остыл пирожок,
так, того и гляди, клюнет в темя сегодняшний кочет.

Закрутилось в жгуты окаянное время чудес.
Не отыщешь себя в оболваненной бизнес-вселенной.
И пока за холмом спешно рубится Господа лес,
человеческий суд за изменой штампует измену.
За коленом колено трещит – то утроенный грех,
то двуглавый эмпирик, то понтификат шестипалый...
Вот мы, милое чадо, сполна и ответим за всех,
за все дыры времён, за пространства распутицы шалой.

Не горюй, мой заветный, я сам свою соль проглочу,
открестившись от выпитой водки и будущей песни.
При последних минутах поближе к родному плечу
мне прижаться бы, без причитаний о службе и бездне.
Не грусти, мой хороший. И я ни о чём не ропщу,
только всё молчаливей на Бога смотрю и на присных.
Только в искрах зрачков твоих снова и снова ищу
обещания встреч – в бесконечных непознанных жизнях.

2013

ЗАЖИГАНИЕ СВЕТА

И.

Гораций, братец! В этой части света
нет под луной надёжного предмета –
то лампочка сгорит, то чайник вновь,
чадя, покончит жизнь самоубийством,
забытый мной на кухонной плите –
на медленном огне... О, псы Господни,
доминиканцы!.. Да к тому ж сегодня
за окнами – эпоха перемен.
Безвременье навстречу крутит кукиш.
Тут и башку, не чайник, позабудешь!
Да плюс привычка: книгочийства плен...
Опять я малость зачитался, тютя.
Но лампочки! Уж тут не скроешь сути –
мышино-перманентной суеты:
уже раз двадцать в ванной я и ты
лампаду ильичёвскую меняли,
но в напрочь разворованной стране
вольфрама не осталось для спирали. –
Как инженеру это ясно мне.

И вот опять громоздкий груз житейский
влачу из кухни – табурет библейский,
похожий на ковчег и на качка,
сколоченный всерьёз, не с кондачка,
без экивоков в сторону прогресса.
Но дальше – лучше: только что из леса,
малютка-табуретка, дочь сосны,
нимфетка на балетных ножках белых...

В неё ножи из шкафа влюблены, –
при шансах ноль десятых и ноль целых, –
и тенорок блатной магнитофона...
Чтоб дотянуться в ванной до плафона.
нимфетку водружая на качка,
я уж потом на них взбираюсь, третий.
Держи вернее, о жена моя,
сооруженье! Ты теперь в ответе
за козни быта против бытия.
Держи, дабы не грохнулся на кафель
кормилец твой, усталый спутник дней...
Зажёгся свет, чтоб высветить ясней
твой тонкий профиль, мой за ухом грифель.
Что нам слова чужих – о нашей мгле?
Вон яблоко, – в пурпурных рисках штрифель, –
светлым-светло на кухонном столе!

* * *

«Зелёный «Ахмат» с апельсиновым запахом» —
ты скажешь. И будет для песни строка.
Так жаль расставаться с тобою за завтраком
и помнить, что встреча теперь не близка.
Оплачет надрывно разлуку с любимой
алкаш и Танатос, советский поэт.
А поезд нырнёт в измерение мнимое,
в котором ни лета, ни ласточек нет.
Так жаль, обжигаясь, фаянсовой кружкой,
дуэтом молчать — об одном, об одном...

И видеть тревожное чёрное кружево
ветвей на ветру, за оконным стеклом.
«Хюндай»-прохиндей, азитское детище,
корейских электриков сверхсамокат,
по рельсам летит, и расхристанней дервиша —
древесный за окнами видеоряд.
С деревьев последние сорваны рубища,
и гаснет шагренё обречённого дня.
Ж/д. Пустота, возведённая в куб ещё,
где нет даже эха тебя и меня...

2012

* * *

Душа – ковчег, где каждой твари Божьей
воркует пара, блеет и мычит,
где нежной нотой, с волчьей так несхожей,
волчица на щенков своих ворчит.
Душа, – эдемский сад, океанарий,
узорных махаонов череда, –
с цветком рожденья дарит каждой паре
и шип терновый: «Скоро ли? Когда?..»

Размашисто-всемирная, тугая! –
И йеллов-сабмарин, и монгольфьер
летят в её потоках, потакая
феериям её вложений-сфер.
И, не поддавшись нетям, ловчим нишам,
душа – над ПВО, над НЛО –
прильнёт ко временам, её любившим,
и вновь умножит слово на число.

Когда ж на икс поделит нас с тобою, –
в остатке у неё навек сполна
останутся, – без малой йоты сбоя, –
твердь, небеса, Атлантика без дна.
Реальность не ответит укоризне.
Есть ад, вобравший слабость слова «да».
Но выше – правит Дух, хранитель жизни,
и длит в сквозной космической отчизне
бессмертие духовного следа...

2012

* * *

Ласточка, ласковый посвист небесный,
не оставляй меня, белая грудка!
Я ведь не пленник двумерности местной,
мы ведь с тобою повязаны чутко
неким единством, сестра, – без названья.
И лишь пунктир твой, крылатый автограф
высветит в полновоздушной осанне
нашей взаимной любви иероглиф.
Взлётная, не отдавай меня пешим
дням – без тебя, без высотного смысла.

На холодец петушару нарежем,
вытопчем зиму сернисто и кисло...
Помнишь, касатка? – До жилки родное
бьётся начало в смеющемся лете,
где распростёрлись вовсю надо мною
золота с синью легчайшие сети,
где до сих пор я бегу, не сдаваясь,
по разнотравью, по таинствам-кущам...
Где набухает и полнится завязь –
Господи, в сердце Твоём вездесущем!

2013

МАЙСКИЙ ПОЛЁТ

На лету не поймёшь, то ли бросится пёс под колёса,
то ли ветер швырнёт под «восьмёрку» шуршащий пакет.
В сдвиге линий, объёмов и форм на бездомность вопроса
не услышишь ответа, которого, в сущности, нет.
Не успеешь заметить, кто слева подрежет, кто справа,
кто на «бумере» прёт напролом, наркотою взбодрён.
Просто держишь штурвал, дабы чудищ сакральных орава
не спровадила – так, между делом – скучать в пантеон.

И ласкали кастетом, и крылья передние мяли,
и на правой двери оставляли засос-поцелуй.
Но квадрага колёс, но рысак светло-серой эмали
держит путь, и *sic transit* – покуда, латынь, не балуй!
На ходу, на лету не поймать промелькнувшей детали,
но несущая линия – твёрже ведёт и верней.
Сокровенные дни обновления солнца настали.
Снова светится жизнь – и живьём растворяешься в ней!

Мент ли жадный засвищет, в беретке малиновой «Беркут»
тормознёт ли, пятнистый, с «Калашником» наперевес –
сердце держит свой путь. Время шепчет, что всё
перетерпит.

И, несолоно евший, неврозами мается бес...
Белых свечек полны терема проповедника-мая.
Словно жемчуг, нанизаны дни на правдивую нить.
Мне бы руль удержать. Книгу книг я на миг закрываю,
чтобы, очи раскрыв, Божий хаос опять возлюбить.

* * *

В. К.

День подоспеет – со змеем в руке,
со щитомордником или медянкой,
или со снайперской на чердаке
линзой прицельною, радужной склянкой.
Впрочем, из этой юдоли живым
ни одному уходить не случалось.
Тихо по небу летит херувим,
пряча в очах бесконечную жалость.

Тихо осеннее время течёт
над мокро-бурой листвою погоста.
Нечет – сегодня ли, завтра ли – чёт,
всё завершится поспешно и просто.
Тихо, мой братец, с поминок уйду
в наше приморское двадцатилетье,
в то, где так звонко мы славим бурду,
два самых дружных гуляки на свете.

Час мне – хлеба отпускать по воде
и выпускать в поднебесные хмари,
словно свидетелей в Божьем суде,
всех, от души моей, тварей по паре...
День, как апостол с гадюкой в руке,
вторит Писанию: «Будете брать их...»
Тихо два ломтя плывут по реке –
напоминаям о праздничных братьях...

2012

* * *

Упрёка нету в лицах стариков.
Во взоре их, идущем вновь *ab ovo*, –
всё незаметней зыбь пути земного,
всё явственней спокойствие веков.

Молчат.
Седые души их близки
к тому, что называть мы избегаем.
Их каждый шаг – уже над самым краем
холодной неприветливой реки.

И всё темней ночное их окно,
где нет Стожар, где скомканы Плеяды.
Прощаются.
Любому слову рады.
Скажите им хоть что-то – всё равно...

1980-ые, 2013

В ЛАВКЕ КРАСОК

Радужный мускус, товар москательный,
пахтовых масел рабочий елей...
Дар свой душевный и век свой скудельный
в тигли упорные влей.
Дышат Гомером холсты и картоны,
свеж Одиссеева ветра анис.
Даром, что годы отвесно-бездонно
канут в Атлантику, вниз...
Зыбкое тело в папирусной коже –
хрупкость скорлупки, шагрени огрех.

Плоть на осенние листья похожа
и на оборванный смех.
Грифель предзимья чернеет. Но мускус
августа – длит живописца задел!
Гончих зрачков перламутровый мускул
собиран в счастливый прицел.
Так отыщи мне, глазастая злюка,
в лавке твоей, где в цене красота,
пурпур со взрывчатой спинкою лука
и, с благородным оттенком бамбука,
свиток льняного холста...

1991, 2012

* * *

Ты лучше видишь то, что далеко, –
июньским ливнем снова высь промыта,
а ниже – тополь, цвета хризолита,
в лиловое укутан молоко.
Летучей теоремою дождя
Творец отыщет верное решение
и снова нам отпустит прегрешенья,
десницей, шуйцей тучи разведя.
Земля парит тепло грозе вослед,
пространства полнозвучны и озонны,

и розовеют на углу пионы –
всех лет твоих надёжный амулет..
Ну что ж, остановись, не поскупись –
отдай торговке мятые кредитки,
и уноси светлейшие пожитки –
дождь в лепестках и вымытую высь.
Да будет вновь богаче голытьба,
искря в траве жемчужной жменей града!
Дыханье тополиной анфилады,
цветы и ливни – звонкая гульба!

1993, 2012

ПЕРВОЕ ЯНВАРЯ

Тесные джинсы расшиты узорчатым золотом,
Элвисом колются, архиерейской парчою.
В оба глядел – а изранился смыслом расколотым,
не осветил все углы и сусеки свечою.
Год отпевая, бузят непристойные праздники.
Стужа чернеет, паучья вдовица, без снега.
В стае щенячьей дышал я теплом, одноклассники,
но холодила мне яблоки глаз неизбежность побега

каждое утро – водой из-под крана латунного,
родственно-грубым, на грамм справедливым, упрёком,
неким предчувствием отклика струнного, рунного,
каждое утро – под пристальным Пастырским оком...
Юные лица и камни в отметилах времени –
вот что любил и люблю я. По-прежнему помню,
как разрешается почва средь мая от бремени,
взлётом ветвей отвечая стожильному корню.

Снова с нуля, к яркопёрой гулянке на тополе
двинутся дни – штрих-пунктиры, пробелы терпенья...
Ночь отшумела – петарды за окнами хлопали,
вспышки бросая на стену сосновою тенью.
Страусы-Леви искрят балаганною ниткою.
Улица с кожей гусиной – извилистей змея.
Не угонюсь за трамваем, за паствою прыткою.
Нечем как будто и крыть. А и сдаться не смею.

2003, 2013

ПОСЛЕ ПРАЗДНИКА

Ещё не разобрали ёлку,
и смутно пахнет хвоей дом.
Притихла сойка-балаболка
в развилке вяза за окном.
Там крупка сыплет ледяная
с послерождественских небес.
А я не даром вспоминаю
горячих пряных дней замес,

тот запах пиний возле моря,
что вправе дух взбодрить теперь,
когда, нахмурясь априори,
число 13 входит в дверь,
когда рычат по телефону,
сдирают коммунальный долг
псы-мытари того закона,
где ненасытен зимний волк...

Под боком книголюба-шкафа,
в углу, чуть слышно веет ель —
софорой и орехом Кафы,
тропой-босячкой в Коктебель,
как будто бы на ветках зябких,
в трёх метрах за моим окном,
не чует сойка льда на лапках
в дыму кофейном пуховом.

2013

* * *

Чёрные куры сидят на ветвях алычи,
дымчатый кот задремал на ступенях хибары.
Явно искренье молекул османской парчи
в патоке зноя, в лукуме таврийского жара.
Вот он, посёлок приморский, куда столько лет
я приезжаю опять по невнятной привычке,
где между прошлым и будущим паузы нет,
как ни любви нет меж ними, ни дружеской смычки.

Войлочно-дранный охранник хозяйства Мухтар
цепью гремит у пристройки, дощатой лачуги.
Банщицей здешней веранда сдана мне – товар,
столь ходовой в сей жильём небогатой огруге.
Вот оно, то, для чего, потеснив виноград,
демос слепил два десятка халуп при турбазе:
вольного воздуха водка и бриза мускат
в каждом зачати-вдохе и в выдохе-фразе!

Воля Господня, свобода святого вранья, –
наперекор греховодной обыденной правде, –
дней на пяток умыкните с поминок меня
и, коль не прав я, в уста целованьем поправьте!
Чёрные куры с ветвей извергают помёт,
кочет с утра, как при Ироде, зычно горланит...
Море возлюбленной пахнет.
И хмель не берёт
глупого сердца. И солнце шагрени не ранит.

2002, 2012

* * *

Лист мушмулы мохнат,
дымчат изнанки пух.
Сорван во тьме виноград
ради наяд-подруг.
Ввысь на обрыв-откос,
по корневищам, камням,
бес ли нас, дерзких, нёс —
в небо, к мускат-кустам?
Дымка волшбы уплыла
за перевал, хребет.
В тех временах, — вне зла, —
каждому -надцать лет...
Ныне же ночью мне —
больше, чем нам троим
вместе, там, при луне,
где каллиграф Керим,
в отблеске мушмулы
вязью шифруя код,

пишет на бланке Аллы
справа налево мне счёт.
Слышу укоры во сне:
«В суры Мои не вникал,
по вертикальной стене,
яко шайтан, скакал!
Даром мой муэдзин,
выйдя на минарет,
звал тебя сорок зим,
кликал все сорок лет. —

Гурии нежной пыл,
ягоды пьяной кровь
так ты и не забыл...
Слушай – не прекословь!
Слушай же – дни сложив
и поделив на века,
Милость явлю: «Ты жив? –
Ну, и живи пока!»

2003, 2013

* * *

Французова, фиалка Коктебеля,
я вспоминаю море за окном.
Там чайки предзакатные летели
к синеющему мысу Меганом.
Там, белые, с небес они кричали
по-эллински: «Лариса, красота...»
Твоих очей две галльские печали
и маки зацелованного рта... –

Когда всё это, – за долги, – забвенье
возьмёт себе, тогда, в разломе дней,
спасётся лишь цветок стихотворенья,
среди киммерийских спрятавшись камней.
Тобой ли, коктебельская фиалка,
грущу иль облаками за окном
закатным? Или просто жизни жалко,
обманутой заезжим моряком?

2013

* * *

Нет, времени тебе не обмануть. –
У моря юность резвая искрится,
а ты жуёшь премудрой жвачки суть,
седая и нахмуренная птица.
Теряют цель прицельные глаза,
стрелой прежде бывшие в десятку.
И дразнит то, к чему уже нельзя
притронуться губами. Лишь вприглядку

ласкаешь ты, чужую и свою,
размытую несчетными дождями,
ту юность, на откосе, на краю,
что надсмеялась будто бы над нами, –
как, впрочем, и любая из богинь
с надменной ослепительной улыбкой.
И то «вернись» бормочешь ты, то «сгинь»...
Уходит лето. И уже «аминь,
да будет так» – шуршит папирус зыбкий.

2013

АЛЛЕГОРИЯ СРАМА

1.

Животное с велюром на загровке,
с отравой страха в саморезах глаз,
из шлака терриконов, из фальшивки
косноязычных криворотых фраз
сварганенное – из всего, что гнило,
скользило под резиновой стопой!
Рептилия с угрюмо-злой силой,
что станет, некий срок спустя, с тобой?

С тобой, кто снова помыкает ненькой,
от срама и стыда уже чумной?
Да грянет Гонта разом с Кукубенкой,
да вспыхнет Стус звенящей купиной! –
Над преисподней, где под скрипку Кафки
Каддафи пляшет чёртом и Саддам...
Где лишь одной – но кровью сердца! – крапки,
Тарасовой – во гневе, оземь! – шапки,
не достаёт архангельским судам...

2012

2.

Где похоть-страсть ехидны с трубказубом
сползает, извиваясь под откос,
трясёт хохлатый дятел рыжим чубом,
и до смерти ревнует утконос.

Там, где со стоном падальщица-птица
в объятья принимает дикаря,
от блуда их зловонного родится
такая тварь, по правде говоря,

что непременно президентом станет
твоей навеки проклятой страны,
где мак цветёт и конопля не вянет –
согласно всем заветам старины.

И если, упаси Господь, с душою
ты явишься сюда в свой день и час,
то здесь, за гранью, за глухой межою,
плачь о себе. И о немых – о нас...

2014

ПЕЙЗАЖ

Выбирать между жизнью постыдной и Армагеддоном –
всё равно, что встревать в диалог между папой и мамой.
Прогремит ПВО над фабричным внебрачным районом,
взбеленится за стенкой твоей пианистка над гаммой.
Выбирать между харьковским злом и кидалой Херсона
не приходится – оба избранники-ники народа.
А магистры наук, сохраняя число Пуассона,
не испортят ни песни о родине, ни хоровода.
Кенгуру – на ура, в вавилонском саду Межигорье,
и всё круче блестит чешуя колесниц Междуречий

там, где шапка на дважды и трижды не пойманном воре
не горит, и никто на стыдится дикарских наречий.
Что-то стонет под угольной почвой в ночной панораме,
где присыпаны снегом и копанки, и терриконы,
где не следует и на секунду касаться глазами
гуттаперчивой порчи, смотрящего тутошной зоны.
Светят Святки вослед Рождеству. Но рулит бесовщиной
бригадир, словно нет, да и не было нот Лакримозы.
Пролетит НЛО над промёрзлою отчею глиной,
уронив со щеки бесполезные честные слёзы...

2013

* * *

Грузовик на «зебре» снёс старушку
и рванул вперёд что было сил...
Дайте Александру в руку кружку,
бонус пунша Пушкин заслужил. –
В лоне рабства пел и звал свободу,
милость к падшим рифмой окликал.
Жаль, при этом драйвера-урода
код да Винчи так и не догнал.

Вот и «мерс» под знаком смял пиита,
ибо царь – мерзей, чем прокурор,
ибо, с ярким флагом содомита,
мир не видит совести в упор.
Сколько ж нас, последних, остаётся,
молокан, акынов, могикан?
Тонко, больно, горько. Но не рвётся,
то, что марлей вьётся, что поётся
там, где смерть длинна от ранних ран.

2014

ФЛЮКТУАЦИЯ

Был сумасшедший день весенний
в конце глухого ноября –
живое диво воскресенья,
святая блажь календаря.
Стал Атлантидой город ржавый –
во все концы, до дна видна,
как наводнение, дрожала
весна, теплынь, голубизна.
И словно звездолёт «Аполло»,
над дрожью обнажённых крон

витала ересь и крамола
о многоликости времён.
Когда же сумерки слетели
и рано потемнела высь,
весь этот день мы так жалели,
как будто уходила жизнь.
Но длили магию над крышей
ресницы грешницы-звезды –
и взвыли полночью бесстыжей,
в замызанной дворовой нише,
апрелем пьяные коты...

2013

* * *

Стрижи, стрижи! Простор, огромный воздух.
Нет парадокса, кажется, больней,
чем эта страсть пилотов острохвостых
в аморфности перестоялых дней.
Обидны – лень и равнодушие лета,
подвох самовлюблённой красоты.
Плюётся джип окурком сигареты,
сжигая придорожные кусты...

Вот и не жди от лета центрального
ещё каких-то радостей-щедрот –
пикируют стрижи его и снова
зовут с собой в эпический полёт.
Родные птицы, сёстры в несмиренье!
Когда утихнет ваш любовный крик,
я ль в ладанку вмещу стихотворенья –
все ваши чёрно-золотые тени,
все льды, весь грубошерстный материк?

2012

ИЗ «СОБАЧЬИХ СКАЗОК»

1. Встреча

Застывшим солнечным оврагом,
сквозь голый зябкий краснотал
октябрь, почти неслышным шагом,
свой день последний отмерял.
Светился день, сухой, пригожий,
летучей нитью повитой.
И пахло в воздухе рогожей
и чистой льдистою водой.
И вниз по склону буерака,
навстречу мне, тропой-змеёй
вдвоём с лохматою собакой,
школяр-малец спешил домой –
круша с отвагой восьмилетней
репья усохшего кусты...

В колючках, моды предпоследней,
сползали с воина порты...
И так вовсю, по-свойски, псина
смеялась влажным языком,
так ранец с глянцем дерматина
до звона в пульсе был знаком! –
Как будто бы не четверть века
по небу моему прошла,
а только покачнулась ветка,
и из-за вербного ствола
я сам спешу себе навстречу
сквозь тот же солнечный овраг –

всё тот же мальчуган беспечный
в добротных чучельных штанах...

2.

Друг, ты не жалуешь собак,
а я, признаться, с ними дружен.
Так иногда бывает нужен
щенячьей нежности пустяк.
Взгляни, когда они косят
агатом пристального глаза,
взгляни — и угадаешь сразу,
насколько прав и виноват.

Да, я огромных псов люблю
и их щенков на лапах толстых,
в которых силы благородство
чистопородное ловлю.
Должно быть, людям — не указ
собачьей преданности стойкость,
но с каждым днём ясней мне строгость
сторожевых полканьих глаз.

И я в упрёк не ставлю псам
клыков жемчужную бесстыжесть.
Без них бы ни за что не выжить
зрачкам — нездешним образам,
огням, берущим свой исток
в том веке бронзовых орудий,
откуда с нами вышел в люди
не пленный, но влюблённый волк!

3.

Старый хозяин с седыми усами,
такса с унылою сивою мордой –
будто бы вторят друг другу глазами:
«Близится финиш походкой негордой...»

Вот и не знаю, увижу ли завтра
у магазина, на зимней скамейке,
отставника с отпечатком кокарды
в центре ушанки из серой цигейки...

Глянет ли псина на лапах коротких
прямо в упор – так, что *на* сердце примешь,
мутью зрачков, обречённых и кротких:
«Нет нас, прощай! А ведь были мы, были ж...»

2015

ПОЛЫНЬ ГРОЗЫ

Любвеобильный, благодатный,
схлестнувшийся с железом крыши!
Как чувствую тебя я, брат мой,
как страсть твою, мой ливень, слышу!
Петь о «грозе в начале мая»
звал школьника философ Тютчев.
Но вот, не лирике, внимая, –
войне, – терновый куст окучив,

пью я полынь грозы на сломе
времён, на блокпосту июня...
Средь потрясений, в зле-Содоме,
глотая судный дым – не втуне,
но вслух молясь, открытым текстом:
«Да станет искупленьем пепел,
да вспыхнет над погостом крестным,
над сердцем молодым и честным,
терновник – после ливня светел!»

2014

* * *

Когда и сам Вольтер стихи писал,
морщинистый, синильно-кислый, едкий,
Господь простит нам, брат, базар-вокзал –
наш суп из топора и табуретки,
где ловится, средь щепок, жизни суть,
когда её подденешь ловкой ложкой,
добавив соли с перцем по чуть-чуть,
а также сдоблив силикатной крошкой

зыбучий супчик, варево времён,
родимый харч, фамильную отраву...
Всё крепнет «вечный погребальный звон»
в ушах моих – по праву и во славу.
Кто здесь, в Содоме, не клепал стихов, –
абрек Сосо, арап голубоглазый, –
иллюзий искупления грехов
не оправдав, похоже, ни полпраза?

Везде измена, драгоценный брат, –
во мне, седом, в тебе, молодцеватом.
Весь синий от тату, дегенерат
опять кувалдой расщепляет атом.
Повсюду сети, добрый мой поэт.
Гляди – и ты меня сегодня кинул.
Добро, что не сужу, что шлю привет
с индифферентным ароматом примул.

А что до снов, в которых вновь сирень
благоухает юной волей мая,

то, право, и она на пятый день
предаст, увянет, спешно умирая.
И вот взгляну в глаза тебе – понять,
где Бог, где твой порог, и скоро ль сгину
в краю, где каждый – Каин или тать,
где пьёт надменный деспот «исполать»
над суицидом и Отца, и Сына...

2014

* * *

От гризли до гюрзы – недалеко:
змеится ложь, и щерит пасть насилье.
Когда нас на руках отцы носили,
младенцами, дышалось им легко –
в предчувствии, что ждут их впереди
трудов аркады, грозы-грозди счастья...
Сбылись их ожидания. Но – отчасти:
все пятна пятниц на земном пути
достались им, все нетели-недели.
Вот на погост отцу цветы несу,
вскипает май, но ныне – ни в глазу
каштаново-сиреневого хмеля...
Лишь стужа бесконечности дурной
теснит гортань мне над родной могилой.

Всё то, отец, что жизнь твою гнобило,
сгущается теперь и надо мной.
И, как ломал хребты рябой Хозяин,
так ныне петли въёт бесцветный червь.
Разорвана связующая вервь,
и вновь ковчег мятётся, непричalen.
От гризли до газели, парный зверь
тревожно корм жуёт в дрожащих трюмах.
Надежда умирает в трудных думах,
но ты, мой сын любимый, молча верь! –
Будь жив, хоть и довлеет над весной
итог, что лишь один спастись достоин,
что Бог опять – потопа грозный воин...
Не плачь, любовь, с тобой – и я, и Ной.

2014

МИРГОРОД, ЛЕТО ВОЙНЫ

Вдоль камышовых зарослей Хорола
кувшинки золотятся на плаву.

В похмелье зноя нищенка-виола
всё держит звук – во сне и наяву.

Горяч камыш, июлем разогретый,
тепла речная мутная вода.

Войной и бойней сгубленное лето
вползло на рваном брюхе и сюда –

в полтавские, сорочинские травы.

Аэродрома взлётный форсмажор
ревёт с утра. По экспоненте бравой
стартуют МИГи – с карком «Невермор!»

Летят на смерть дюралевые птицы
над ненькой, а подсолнуховый рай
к гибели так жертвенно клонится,
что лучше, – до рассвета, – умирай!

Так легче сердцу – меньше вражьей злобы,
предательства и душного стыда...

Смердит Орда несытостью утробы.

Журчит Хорола жёлтая вода.

Здесь, где под почвой вздрагивает Гоголь,
по миргородским Виевым шляхам
бродя, и я открытой раной трогал
ту притчу, где отца бесчестит Хам...

Бог нас не выдаст. В заводи Хорола

Его кувшинки дышат на плаву,
и держит точный звук *Его* виола, –
про вышитые, в чернобривцах, сёла, –

Его сверчок пиликает: «Живу!»
Великое лишь малым прирастает:
тем, кто родил тебя, не измени!
Над Миргородом рёв. Но рассветает,
но дарит Бог – до тридцати в тени...

2014

СТРАНИЦЫ КАЛЕНДАРЯ

1.

31 декабря 2014

Уходит прочь жестокий год,
усыпав скверну почвы манной,
белейшей и благоуханной.
Застыл в анабиозе крот,
под мёрзлым слоем чернозёма
похерив Маркса до весны.
А снятся ль землекопу сны? –
Вопрос. Вот нам – не в радость дрёма,
те сны, где нам войной грозит
не слепота, так амнезия...
И, подняв веки утра-Вия,
я вижу: снег всюду искрит

над чёрным месивом обид,
над павшими, что непростимы
вне срока давности веков.
О, племя вырванных кусков!
В летописание да не иму
ни тени страха: Каин-год
поруганную честь ведёт
по замкнутому кругу мести.
А схожий с покаяньем снег –
давно замёрзший детский смех.
Ты плачешь, Бог? –
Мы плачем вместе.

2014

2.

Январь, Крещение. Оттепель с туманом.
Под башмаками – мёртвая вода.
И чёрный снег лежит бомжарой пьяным,
и не горит над ним его звезда.

И я боюсь свалиться в грязь, сломаться.
Но выдохну. И снова, ободрясь,
читаю звёздный атлас, словно святцы,
и с блюдцем в небе выхожу на связь.

Молчат, бледнея, губы Иоанна
на блудном блюде Ирода-царя.
Но чую, нам с тобой казниться рано...
Ведь полночью в купели Иордана
звезда нагая плещется не зря.

2015

3. Тринадцатое марта

Тринадцатое – пятница! – прошло.
И кажется, тебя не зацепила
ни рогом, ни копытом вражья сила.
Весь день дождливо было. Но тепло.
А прежний недомыслия соблазн
тебя и в день рисковый не оставил.
На рифы рифм ты снова плыл – без правил
и без ветрил. И, уж прости сарказм,

но, видно, ты не слишком поумнел
за годы певчих жертвоприношений.
Всё – как всегда. В театре мёртвых теней,
чем ты живей, тем больше не у дел...

Позорно ль, замыкая сотый круг,
бесплотным кораблём рулить упрямо?
«Блаженный мореход не знает срама!» –
подбросит ангел голубя из рук..

Двузначен философский лик его –
то хмур хранитель, то, вдруг пламенея,
вдохнёт в тебя всю свежесть ахинеи
и небывалых звуков статус кво.
Тринадцатое, в тучах, прочь ушло.
А ты в своих виденьях, в веде-вуду
останься. Кто-то должен вторить чуду –
тому, что ниоткуда и повсюду:
«Дождливо? Но внутри – светлым светло!»

2015

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Христос въезжал на фетровом ослёнке
в золотоверхий град Ершалаим,
и пели ветки пальмовые звонко
над ним, тигровоокиим, молодым.
То дети, веер зелени вздымая,
живили воздух над его челом.
И обмирало сердце, вспоминая:
«Авессалом, Давид, Авессалом...»

И вот прошло две тысячи подлунных
необратимых зим, жестоких лет.
И, что б ни взялся ты сыграть на струнах,
а выстраданней нот в клавише нет,
чем ослик тот, апрельский привкус чуда,
чем запах вербных веток у лица,
и свет тревожный, бьющий отовсюду, –
вселенский взор всевластного Отца...

2015

IV

*Белый, с музыкой,
вокзал*

* * *

Под цветущею софорой прячет спину бочка с квасом,
в гуще зелени круглятся ярко-жёлтые бока.
На тебя в упор, Одесса, я гляжу весёлым глазом,
чую гул витых рапанов, шорох моря у виска.
Слышу Бабеля с Олешей, Паустовского с Шенгели,
и на всех углах бульваров, окликающих Прованс,
с хрусталём в руке, поэты, в облаках цветного хмеля,
всё рифмуют с Молдаванкой постмодерн и декаданс.
Хороши над Ришельевской поднебесные платаны!
Вмиг сыщу и чашку кофе, и в подвале интернет,

чтоб во все концы планеты разослать тобою данный,
на ходу новорождённый, элегический сонет.
Будут знать: я вновь в Одессе, в контрапункте Одиссеи.
Я опять в тебя влюбился – раз, два три – в четвёртый раз!
Снова я, дыша тобою, белый шум средь сини сею,
раскрывая чарам чакры, зорко щуя третий глаз!
Где б я каялся, спасался, если б не было Одессы?
Средь каких воздушных улиц я бы духом прирастал?
Да продлится эта повесть, эта пьеса, эта месса:
звук уключины скрипичной, белый, с музыкой, вокзал!

2014

ПРИВОЗ

На Преображенской – Успенский собор,
а рядом – язычество торго,
развалы арбузов, плодов перебор.
шаров с полосатою коркой.
Идёт по Одессе горячий июль
с подарками плодоношенья.
И полон дарёною радугой куль,
и знойны молекул круженья.
О, Броуна бренды, Привоза хаос!
От пуза – палёные вина.

Мы вздрогнем по капле, приятель Привоз,
зане наши мысли невинны.
Зане наши помыслы – в сфере услуг:
тебе – шахер-махера пассы,
а мне, с моей песенной торбою, друг,
всё легче – без денежной массы.
Мне б ало-зелёный кавун срифмовать
с соседним вокзалом белёным...
И снова – по склонам приморским снова
тем взором, что ижицу помнит и ять,
но жадным, но неутолённым!

2014

В УНИВЕРСИТЕТЕ

Опять средь мая дождевую воду
у окон ректората сладко пьёт
из люка – рыжий, желтоглазый кот,
без всякого намёка на породу.

Остановлюсь и мирно пошучу:
«Не перепей, приятель полосатый!
Я сам с тобой гулял бы, братец мятый,
будь мне твоя свобода по плечу.

И я тебя, бродягу, возлюблю
куда верней, чем жулика из ЖЭКа,
в овчине волка, икса, имярека,
козла в капусте, зайца во хмелю»...

А мыслящий – да в храм наук спешит
и в стужу, и по оттепели тоже,
и в день, когда блеснёт, в свежайшей коже,
май-искуситель, искрою прошит!

В нём рыжий зверь, с глазищами в абсент,
вчерашний дождь из чугуна лакает,
и светотень по кампусу летает,
на сто пудов, на семь цветов – Винцент!

2014

* * *

Разведенью вуалевых рыбок
посвятивший четырнадцать лет,
стал ты ныне в суставах не гибок,
и лекарства от этого нет.
Разве, рюмка целебной текилы.
Или две, например, или три...
Ослабев батареейкой мобилы,
зарядись и не сразу умри!

А воспой эти стройные ноги,
что по кампусу нынче прошли
озарённые в майском чертоге
красным платьем, цветами земли.
Любо, дорого. – «Здравствуйте, Лера!
Как Вам цвет ярко-алый идёт,
как к лицу Вам диплом инженера
и очерченный нежностью рот!

А о Ваших глазах с поволокой
я и вовсе опять промолчу.
Не идти же мне с травмой жестокой,
с лихорадкой душевной к врачу...»
Пусть скрипит мироздания остов
в заусенцах, занозах, сучках. –
Ярко-выпуклы вуалехвостов
очи честные в линзах-очках.

2014

МАЙ

На мотив Ярослава Сейферта (Чехия)

Дозорная башня без усталости дарит кому-то
белейшее облако и ясно-синий Синай.
И всё, как обычно, – воздушен, и нетто, и брутто,
поэт осеняет стихами свой месяц, свой май.

И он же вздымается в бронзе над Площадью Рынка,
и пара влюблённых глядит, с любопытством в глазах,
как в бронзовый лист он врезает пером, словно финкой,
надзвёздные притчи и сведенья о чудесах,

стихи гравировать о доле людской и печали,
о том, что минуют напраслины всех перемен.
А может, о лучшем – о женственном грезит начале,
о благоухании роз, преклоненье колен.

То Дворжак вострубит, то охотничий рог над горою,
жар-цвет одуванчиков в Пражский вливается Град.
И девушка прячет лицо на плече у героя,
где верность упора знавал и ружейный приклад.

И вправду, Маэстро, призыв Ваш – прекрасен и вечен.
Воскликнете «Май!» – и пронзает до дрожи приказ.
Вот время любви наступает, магический вечер,
и нежной команде никто не изменит из нас!

2014

ТРИПТИХ МАНЬЕРИЗМА

1. Беседка

О, беседка! Одесситка раскрывает мне объятия.
На айлавочке «ай лав ю» я во тьме ей говорю.
О, беседа рук горячих и прохладной мяты платья!
Пылкий ветер, бросив полночь, влился в юную зарю.
Что-то будет непременно от рассветного слиянья,
что-то на волне воздушной прозвучит, произойдёт,
чтобы рифме улыбался твой, алеющий в нирване,
лепестку цветка подобный, твой отважно-нежный рот.
Убежав из гарнизона от майора-фармазона,
от кобзона-кабыздоха, ты – свободна, ты – ничья.

Одесную – вся Одесса, бриз понтийского озона,
одесситка, абиссинка, вкус абсента и ручья.
Как Сверчок пьянел Земфирой в Долне подле Кишинёва
и как Байрон содомитов на Элладу променял,
так и я вернусь и буду по-одесски счастлив снова –
там, где шлягером Утёсов освятил ж/д вокзал.
Там, где вечно море-море, где мы плыли и тонули,
где на берег нас вернуло одиссеевой волной,
где летит всё то же время золотой счастливой пулей –
над любимцем Воронцовой, над тобой и надо мной.

2015

2. Из «Базилиады»

Небесно-голубою влагой светилась рюмка «Кюрасао».
Тому, кто знает толк в напитках, вполне понятен мой намёк.
Коту Василию хотелось надеяться на «мяу-мяу»,
но без согласия на свиданье прошёл и этот файв-о-клок.
Два глаза кошки-персианки сияли синью «Кюрасао»,
как два чистейшие сапфира океанической воды.
И всё же, вместо «мяу-мяу», Базиль услышал только «чао»,
и лишь на миг соприкоснулись при расставанье их хвосты.

Он ей читал стихи Петрарки и Блока – о Прекрасной Даме –
ведь был Базилио любезным и обходительным котом.
Но в этом жанре катавасий, в комедии и мелодраме, –
вилай вовсю, но бей, в итоге, о пол отвергнутым хвостом...
Как узнаваемы сюжеты! Я сам был молод, но не стану
солить, вослед текиле, рану и бередить рубец любви.
Сэнсей хлебнёт сакэ и мудро добавит терний в икебану,
а «чао» нежной персианки переведёт как «се ля ви...»

2013

3.

«Мохито-бар плюс бармен-шоу!
Всем девушкам – бесплатный вход!» –
Тут ни одна не скажет «ноу»,
тут молвит «да» Мальвины рот.
Мохито-бар – во льду и в мяте
крепчает капельный наркоз.
И пожалеешь о растрате,
но будет поздно, будет поз

и жестов поздний зов. И пряность
движений, и в груди пыл.
Сезона хит, мохито данность –
в крови, как жидкий хлорвинил.
И будет счастье очень близко
там, где сквозь шахер-махер-бар
плывёт, смеясь не по-английски,
но, словно пылкий Эскобар,

соблазн. Где в дымке тамариска
горят шмели ярчайших глаз,
где гибель подойдёт так близко,
но поутру, но не сейчас...
И что за яд долил ты в мяту
за стойкой, в бабочке делец?
Непостижимо, непочато,
пряят невенчанные чада –
сердца и пальцы без колец...

2013

* * *

Ревнует ремонтник путей? И пускай –
ты взлёта над щебнем достойна сторицей,
звонка и ярка, как рассветный Вай Фай,
как с утренней ветки взлетевшая птица.
Озвучь мне все зовы небесных сестёр,
легчайших и радужных перистой тканью.
Зачем-то был короток наш разговор,
поспешным и скомканным было свиданье.

По синему небу плывут облака,
подсолнухов тигры пьяны чернозёмом.
Да будем мы петь в этом храме, пока
объяты мы летним, одним, окоёмом!
И мне ли спешить твоё имя назвать,
грустя, что другие его называли?
Я сам – лишь, без подписи, в клетку, тетрадь,
горобчик, крутящий «Орлёнка» педали.

Мария и Марфа, и мира мираж...
Мне мнится – довольно «агу» от младенца,
чтоб стал милосерднее пристальный Страж,
блюдя антураж до конца заусенца.
Живи, как загадано в пылких глазах,
звучи, как навеяно маком пунцовым!
Ревнует зоил? На часах, на весах –
ничто его перемороженный страх
пред летом горячим, пред Божьим уловом.

2013

ПИСЬМО В КОЛОРАДО

Поверь, что колорадского жука –
я мускулистей, колорадожанка!
Тот, у кого свежа на шее ранка,
укушен не без планов на века.
И сходство с колорадцем у меня
бесспорно – наша нежность к баклажанам,
к тугим плодам, как яблоки, желанным,
к их свету-фиолету в лоне дня.
А в штате Колорадо, где твоя
рифмовка кукурузой золотится,

нет у меня ни Джереми, ни Фрица
знакомых, нет и вкладов ни копыя.
Пусть уж земляк твой, деловитый жук,
в костюмчике в полоску от Армани,
грызёт картофель и капустой-мани
пусть зеленеет. Чухнут Гек и Чук
с Чукотки чахлой в житницу Огайо.
А я останусь – ямбы обивать
здесь, где раскладу райскому подстать
спят сторожа, где Каинова мать
смакует плод, столь пагубно нагая...

2012

* * *

С лиловоглазой октябринкой,
непритязательным цветком,
играет осень под сурдинку –
летучей ветровою спинкой,
толчком воздушным и нырком
и солнца зябкой перебежкой...
Играй, разлучница, играй!
Моей юдоли белой пешкой
к неверной линии шагай.
И, пусть в ферзи напрасно рвётся
последний из моих солдат,
но учащённо сердце бьётся

у пехотинца в позолотце –
в цейтноте, в риске наугад...
Уборщик в огненном жилете.
листвы языческий божок,
нежнейшие ошметки эти, –
в лимонном, рыжем, алом цвете, –
сгребает и суёт в мешок.
Веди же эндшпиль свой, царица,
играй в жестокую игру,
стоцветной жертвы мастерица! –
Свистят велосипеда спицы.
Споётся всё, что сможет сбыться,
чем смерть прекрасна на миру...

2014

* * *

Зеленоглазо-сторожкие звери
зыркнут сквозь плетиво мокрых ветвей.
Летней невесты оплачет потерю
ливень-ноябрь из-под синих бровей.
Самой последней отрадою лисам
в логово юркнет комочек тепла.
А, кто родился под небом безлицым,
машет авоськой – «была, не была».
Снова под дверь мне предзимние письма
тычутся: бланки, обманки-счета...

Вдоль окаянности сюрреализма
грустно святая бредёт простота.
Здесьней промозглой порой воробыной,
дрянь-карандашик зажав в кулаке,
первым и канет мечтатель мякинный
в мокрую яму в посадке-леске.
А оловянного времени кореш, –
с глоткой, лужённою не по уму, –
каркнет в пространство: «Не брат я, не сторож
сыну-любимцу, Старик, твоему!»

2012

ЗИМОВКА

Вот и тучи накатили –
тёплой осени конец.
Не беда – в сезонном стиле
кот с енотом и песец
сладят зябкой музе шубу.
И с Венерою в мехах
пропоём мы «шубу-дубу»
на морозных воздушках.
Прогудим, даст Бог, всю зиму,
промурлычем до весны.

Будем, как ячмень озимый,
зеленея, видеть сны.
Грусть настигнет – зарифмуем
в сей же час унынья грех.
Мы ведь вправду зрим и чуем
оберег – для вся и всех.
Верь мне, муза-экселенца –
весь я твой и навсегда! –
Глаз-алмаз, задор младенца,
серебристые коленца
каменистого труда.

2013

* * *

Но Он-то даром срока не даёт,
сверяя счёт и суткам, и столетьям.
Отары туч толкая лишь вперёд,
Он в царствии Своём мирволит детям,
глазастым человеческим птенцам.
А белых жеребят единорога
Он часто чистит сам по вечерам
суровой щёткой тщательно и строго.

И Он, на ветер не бросая слов,
и пешим чадам, и в автомобиле
дарует лишь заслуженный улов.
А там: в коня ли – корм? В тебя – дары ли?
Но в гневе и глаза Его, и рот –
мертвей, чем лунных кратеров каверны...
Ты счастлив был. Но знаешь: всё сметёт
безродных перемен круговорот,
бездушная волна несытой скверны.

2013

* * *

Расплатись обмельчавшей сотнею
за атласную красную нить,
чтоб моложе, свежей, искромётнее
спозаранку узор сочинить.
Да ещё забубённою буйною –
в рыжем пыжике – расплатись,
раз ни в ту, ни в другую унию
не вписались ни дали, ни близь.
Знал ведь, знал, как твердила матушка:
«Не пиши, беленой не дыши!»

Но всё пелось – из губ, из радужки,
из ребячьей теплыни души...
Расплатись по морозному векселю
и по чуйке ли, по прямой,
по кривому ли шляху-вензелю –
Бог не выдаст! – вернись домой,
в то гнездо, где птенец индиговый, –
мальчик нынешний или тот, –
у окна размечтался с книгою,
обнадѣжен высотной лигою... –
Но и это, и это пройдёт.

2012

НАД ШАХТАМИ

1.

Донцом рассечённый полуденный Кряж!
Я знаю твои родовые преданья –
бумажных цветов, над провалом, шуршанье,
сивушный огонь поминающих чаш...
Но вот уже шрамы овражной земли
июнь затянул молодою травой,
и над уцелевшей моей головою
терновника ветки вовсю зацвели.
Над скопом хибар, где хворают отцы,
где матери рвут сыромятную жилу

трущобное солнце детей оживило,
и прытко на грядке взошли огурцы.
И бабки под окнами – легче мышат...
Похоже – ещё нас со света не сжили
безбожные фабрики кривды и пыли,
державные логова угольных шахт.
И солнце над скверной – вот замысла суть,
которому нету земного названья. –
И это – живей и смиренья, и знания
о том, что уставший успеет уснуть...

1994

2.

И вот, – под слоем копоты угрюм, –
но твёрдости не изменив врождённой,
сквозь кавардак-бардак, шурум-бурум
иду я к цели, предопределённой

не мною, но, конечно же, Тобой,
стахановец и знаменосец Духа!
Под слободой крысиных нор забой
отбойным молотком клопочет глухо.

За Ирода грехи и за мои,
Ты воздаёшь мне больно и сторицей.
Но сквозь слои породы «Элои!»,
сыновний зов, мне неизменно снится.

И не спрошу я в нём, зачем меня
среди гиблых терриконов Ты оставил.
Спрошу лишь только – скоро ль зеленыя
апрельские ворвутся в бой без правил? –

Там, где, чернея, дыбась и внахлёт
пейзаж разлётся зимний, гол и долог,
где в шахту провалившийся погост
являет разом и общак, и ГОСТ
в смешенье чисел, шрамов и наколок...

2013

* * *

Куриль кальян, вдыхать ли фимиам –
всё опиум, лишь разного разлива.
А дух твой там, где дикая олива
опять цветёт – над морем по холмам.
«Останься твёрд, спокоен и угрюм» –
смиряет эмпирическое знание,
когда стада к последнему закланью
ведёт правитель, хам и тугодум,
когда клеймит нечистой порчей плут, –
пусть бы тебя, – но и любимых присных...

Молись, чтоб чистотел слезы не высох,
авось, ещё не завтра отпоют
тебя в родном содоме пришлеца,
канатоходца противостоянья...
Возлюбим судный полдень, могикане, –
последний день от первого лица!
Не вспоминая все ни о ком –
ни рунами, ни десятичным кодом.
Ты чувствуешь, как море пахнет йодом?
Маслиновая ветвь перед исходом
тебя простит серебряным кивком

2012

* * *

Словно бы в детстве, рассветное майское,
настежь раскрыто окно.
Словно воздушной и щедрою ласкою
нечто навек мне дано. —
То, чему имя доныне не найдено, —
вечной ли радости дар?
То, что всем миром по нитке раскрадено,
смолото в мелкий товар.

Чайные розы цветут, осыпаются —
Марфы-садовницы куст.
«Доброе утро!» — с ребячьих срывается
быстро-улыбчивых уст.
Дышит воздушное, вечное-майское,
утро — вне скудных времён.
Словно, уста причащая подсказкою,
длит евхаристию Он.

2013

* * *

Когда-то в детстве поезд шёл в Луганск,
и рано утром Марфа говорила:
«Вставай, сынок!» – Дебальцево. Здесь рядом,
совсем уж скоро – Ворошиловград...»
С тех пор полмира переворошило
напором смыслов, хаосом ветров.
И свору душегубов напрочь смыло
течением лет. И с таяньем снегов
разнёс поток по ямам злого царства, –
оврагам, буеракам, погребам, –
нечистые останки властолюбцев.
Ежов, луганский Клим, горийский Коба –
все подмешались в бескультурный слой.
И вот – истлели кости вурдалаков,
но трупный яд их веры в превосходство
жестокой силы надо всем и вся
всё так же в мёртвом воздухе витает
над бурым вседержавным кирпичом...

Дебальцево, чернея, догорает,
грохочут танки орков, не таясь,
и на снегу февральском кровь и грязь
смешал упырь лубянской преисподней...
Февраль итожит год Небесной сотни,
год их бесценной жертвы молодой,
год памяти, молитвы и надежды.
Я – здесь, в земле, затаптанный ордой.
Но я – и там, в неугасимом «прежде»,
где – лето и пятидесятый год,

железного столетья середина,
где слышу вновь заветный голос Марфы,
седой и приглушённый, но живой:
«Вставай, сынок!» – Даст Бог, родная, встану!
И обниму у Каменного Брода,
в виду цехов патронного завода,
тот дедов дом и сад, что так люблю.
И снова, будто в радужном хмелю,
вдохну огромный воздух, ветер счастья...

2015

* * *

И целакант, и чупакабра,
в гербовнике из первых рук,
топорщат розовые жабры,
смыкая жизнелюбий круг.
А ископаемых рептилий
шипы, затылки, позвонки
подпитывают корни лилий,
румяня охрой лепестки.

Равноапостольной в природе
задумана любая тварь.
В неповторимом генном коде
тысячелетий календарь
прочтён и принят как наследство,
и плавно вплавлен в силу жил.
И счастлив в океанском детстве
планеты Гео старожил!

Соитье Альбы с альбатросом,
сей Леды с лебедем камбэк,
аукнется хриплоголосым
птенцом – химерней, чем ацтек:
«Метаморфоз – целебны жала!»
Скачи, конёк-единорог,
вдоль квадратуры, вдоль овала,
где блещут рыбы у причала,
где эволюция устало
молчит. Но полон планов Бог...

2013

* * *

В груди ли дверцу отворю,
кто выйдет – заяц, волк?
А я вослед проговорю:
«Пуškai бы вышел толк
из этих экзерсисов всех,
и вариаций-тем,
где наши слёзы или смех –
не наши, вместе с тем...»
Загулит голубь ли в груди,
пробулькает ли сыч,
что всё прошло, что впереди –
кондратий-паралич,
я слышу вновь, лишь погляжу
назад на пепел дел,

тёплолюбивое «жу-жу»
пчелиных ярких тел.
Они летят, то здесь, то там,
на слабые цветки.
Сильны их ноты по утрам
и, как земля, низки.
И если, милуй Бог, кондрат
догонит беглеца,
он вечный луга аромат
почует у лица.

И в мир, в открытое окно
шепнёт: «Когда-нибудь
всё вправду будет сочтено.
А я допил своё вино –
прощай, не обессудь...»

2013

* * *

Судный декабрь, Судоплатов погоды –
плети дождя истязают стекло.
В аккумуляторе клемма анода
мокнет и напрочь скисает – на зло
Захер-Мазоху, владельцу «девятки»
и бакалавру искусств и наук.
Не завестись! – Не надёжны, не хватки
пальцы расслабленных «клавою» рук.

Не завестись! Из ума у телеги
выжили брежневские провода.
Альфы искрят, не контактат омеги,
минус – не в жилу, и плюс – никуда.
В зимнем безвременье гаснет эпоха.
Мутно точат арамейскую грусть
очи львовянина Захер-Мазоха,
но фильтровать её я не берусь.

Крылья подельника хеттам, Советам,
ворона перья – мокры и черны.
В джипах спешат, по реальным заветам,
кровососущих кровей ездуны.
Тьма по-декабрьски сгущается быстро.
Слёзы ль дождя искупили должок
или не зря я сдавал на магистра? –
Прямо из шуйцы вдруг выстрелит искра,
и заурчит, оживая, движок!

2012

* * *

Полжизни отстояв в очередях,
не выстояв и табаку понюшки,
не я ль столовкой с хлоркою пропах
и заигрался в мёртвые игрушки?
Обильным словоблудьем брызжет хряк
Никита, обличая «пидарасов»
в картинах маслом. Смел его башмак,
обрушенный на темя чуждых классов.
И вслед гугнивый Леонид Ильич
врёт о победах гибельного дела.
Вот так, бухая, умножая ВИЧ,
суя хабарь, бакшиш и магарыч, –
не каясь! – полстолетья пролетело.
Вновь оглянусь – партийные года
впадают в пятилетки через анус.

Гори, гори, печальница-звезда,
там, где до самой смерти я останусь!
Там, где обычай чести не в чести,
как минимум, с нашествия Батыя,
не пыжся, чижик, – я скажу, – свисти
и клюй метёлки сорных трав пустые.
Пусть даже в четверть мира пустота,
антихристом задуманная пустошь,
заточкой вертит у груди, у рта –
ты всё равно цветок-свисток распустишь!
Тосклив степной зимы голодный стол.

Чумны на трассе грузовозов лица.
День Судный, заблудившись, не пришёл...
И пятицветен в сушняке щегол,
и чиж народной песней золотится!

2012

* * *

Тогда хотелось побыстрее
крылом ударить и взлететь.
Тогда моложе и острее
анапеста звенела медь.
Но оказалось, что для взлёта
нужней не пылкие уста,
но всевлюблённости работа
и самоедства правота.

Отдай единственное сердце
и жизни лакомый кусок –
и может быть, тугая дверца
раздвинется на волосок.
И луч огня в шагренё вонзится.
Но ты успеешь осознать,
что глупые, – другие! – птицы
умеют по небу носиться,
поскольку не умеют лгать...

ИЗ «РЕЧНЫХ СКАЗОК»**1.**

Вдоль текучих порезов земли
к чёрной лодке приду на мели,
мокрых глин наскребу с берегов,
налеплю с чешуёй пирогов,
потому что, хоть стены меня
берегли от воды и огня,
всё равно ведь праматерь в углу
ворошила клюкою золу...

А как выдерну я из Донца
судака на уклейку-живца,
так колючие перья спины
растопырит он в три стороны:
как одна сторона – тёмн лес,
а ина – просветленье небес,
ну а третья – на бреге крутом,
где порушен первейший мой дом,

что фасадом растащен, разбит,
а всем садом под сердцем щемит...
Надышусь я чабром – во хмелю
лешакам колобков налеплю
и, черники набрав в короба, –
крепко-круглого детского лба,
кожи ягод губами коснусь,
чтобы знать их псалтырь наизусть...

Ибо *на* ухо кузькина мать
нашептала мне: стол накрывать,
не во сне – за кирпичной стеной –
наяву, под крылатой сосной,
чтобы пел я с лесной шпаной,
похмеляясь вчерашней виной,
чтоб все полночи с мавкой-женой
до одной вспоминал, до одной...

2.

Сергей Константиныч, гнезда Александрова,
Сергей Александрыч, села Константинова!
Шкатулка ли, гроб ли – ладья полисандрова –
плывёт по реке к терминалу Скотиново?
Там с жадностью нефть выжимают насосами
из туш сразу трёх оценившихся танкеров.
И берег Скотинова жирными боссами
украшен и выпачкан моськами маклеров.

Надменны лабазы. Башка телеящика
квадратна, криклива и стрижена наголо,
и в трещину пирса последняя ящерка
ныряет, в испуге от Голема наглого.
А мерин наш розовый с сивой кобылою
разорваны в клочья стервятницей-птицей,
что клювом всеядным и смрадною силою
по пятницам и по субботам гордится...

3.

То ли билью бурчит, то ль былиною Пров –
про глубинные тинные страсти,

про орясину-шуку, что тащит бобров
крючковатыми иглами пасти.
Троекратно клянётся да крестится дед.
А уха над костром пузырится,
а из полночи тонкого месяца свет –
узкоглаз, как прищур очевидца...
В густо-чёрных ветвях на другом берегу
закричит полусонная птаха.

Но сказитель, запнувшись на миг на бегу,
лишь подсыплет дремучего страха...
Пахнет дымом, ночной загустевшей рекой,
влажной отмелью веет песчаной.
Побожится старик темнокорой рукой,
бородой ухмыльнётся гречаной.
И страшает опять, про злодейство ворчит,
аж прищучено ёкает ветка –
«А у ней над губою обломком торчит
крюк медяный – Петровского века...»

* * *

Дней жизни Адамовой
было девятьсот тридцать лет...
Книга «Бытие»

На лавочках всех набережных мира
мы пили тёмно-красное вино.
Я гнал, – через Чаир и до Каира, –
на синем арендованном «рено»
Искрила, – по цветам, по разнотравью, –
соблазна бирюзовая гюрза.
Сияли на айлавочке «ай лав ю»
её пелопоннесские глаза...
И снова майский дождь ласкает поросль
уже иных лилейно гибких дев.

Но ты, по слуху певший жизни повесть,
и в девятьсот, ничуть не постарев,
ни сил души, ни любопытства ока
ни на один не растеряешь грамм.
Гремит гроза, и трубы водостока
поют, как долго жил отец Адам.
И ты, всё той же влюбчивостью болен,
опять готов взлетать и наяву
чудить, смеяться с майских колоколен:
«О да, и до Адама доживу!»

2014

* * *

В. Мысыку

Мыс Василиск, мыс Меганом.
Стригун Василь, мальчишка Мысык.
И ястреб, – в сине-золотом,
во сне-паренье независим, –
небесным крестиком кружит.
А весь огромный полдень лета
воздушной нитью щедро сшит –
на вырост, на все страны света.

Мыс Фиолент, мыс Базилевс
и весь Бизант вперёдсмотрящий
впусти в себя сполна, как Зевс,
как Назарей к надежде вящей!
К надежде, а к чему ещё?
Цвет-василёк, восьмой ребёнок...
В июль вплетаясь горячо,
насквозь узор касаток звонок.

В июнь-дождях, в июль-ветвях –
отворена калитка рая.
Григорий – странник, Мономах.
Василь же, с ласточкой играя
мальцом, вдруг станет у ворот,
и сам уже – седей Вахтёра...
И спросит: «Что теперь за год
над нами облаком плывёт?
Который год и век который?..»

* * *

И. Бунину

«Хорошо пахнут детские волосы» –
беспорочностью маленьких птиц.
Знаю, Бунин, – и едкости голоса,
и занозистых острых зениц
дух-мудрец твой – моложе, приветнее.
И звучишь ты надеждой во мне
над химерами дня-междометия,
над горящими в судном огне

сновиденьями падшего времени...
Сладкой речкой ребячьих волос
пахнет детство заблудшего племени,
огорчённого бесом всерьёз.
Ты, прошедший сквозь «дни окаянные»,
мог ли знать, как опять, через век,
те же zenки, несытые, пьяные,
из-под Виевых выстрелят век?

Ты, влюблённый в певучую вольницу
Украины, Эллады славян,
мог ли ведать, как лжёт, как заходится
в злобном раже лубянский пахан?
И лишь раем мальчишества волосы
веют, – пижма, ромашка, пырей, –
там, где Каин – на танке без тормоза,
где кровавы закатные полосы
над бессонницей неньки моей...

2014

* * *

В который раз, фантасты революций,
похмелье нас ухватит за кадык,
и вёрткий, в макияже власти, фрик
из опций нахватает самый куцый,

беспомощный набор увёрток, схем,
законов, неуклонных, словно дышло.
Как было прежде, так и снова вышло:
так бес поганит жертвенный эдем,

так лодка, где убитые герои,
расстрелянные в двадцать, грозно спят,
повёрнута рукой измены вспять.
В Иуде и Шумер шумит, и Троя.

И точит жар Шекспирова зола,
где Лир-отец в бесчестии мятётся.
А мародёрство богдыхану зла
зачтётся ли? Предвижу – не зачтётся.

В тринадцатом витке – хлопок крыла.
Была ль планета? Помнится, была...

2014

* * *

Я прошёл век войны, каждый день пропускаю сквозь
сердце.

Я прочёл нашу смерть, начиная с батыйских копыт.
Однотумцы мои, светложертовенные одноверцы!
Много помнит душа и от чёрного знания болит.

Я прошёл подлый год, где моих сыновей убивали.
Их пречистые лбы, их закрытые очи в гробах
горькой мантрой моей, неизбывной молитвою стали,
бесконечную болью, уже неуместимой в словах.

Мы прошли злые дни, где лицо вероломного зверя
узнавалось в срамной и жестокой его нагоде.
И святятся гроба. И захлопнуты наглухо двери,
где зверёныши цифр, шестеря, присосались к звезде.

Что Ты скажешь, Отец? По Тебе ли кровавая тёрка,
по Тебе ли имперская спесь, вакханалия лжи?
Мы прошли – да не всё. Новый день – только льдистая
корка
над провалом без дна. Подскажи, Всеблагой, подскажи!

2015

* * *

Вот ты меня с другим пришельцем спутал
и меж очей воткнул мне пистолет.
И дрогнул, и поплыл часовни купол,
и стал нездешним предвечерний свет.

Но сам я не спешу. И здесь, в июле,
меня спасёт мой ангел-бодигард.
И он в стволе твоём заклинит пулю,
и волчий хвост обрубит – вражий фарт.

А вскоре жди: кусок свинца вернётся
к тебе – одной из самых верных трасс,
отвесом вертикального колодца.
Поскольку так из века в век ведётся,
что должен выжить лишь один из нас.

2014

* * *

Свято место пусто не бывает.
Время Зверя – лучших убивает.
Юные тела кромсает в мясо
мезозой имперского фугаса.

И по всей Украине на погостах
плач горюч во братиях и сёстрах.
И всё нестерпимей – ночь за ночью,
день за днём глядеть мне Богу в очи...

Вновь с небес Он грустно отвечает,
что души в земном Христе не чаёт.
Вновь лепечет: «Яко отдал Сына,
так на крест бросаю Украину.

Свято место да не будет пусто –
лучших заберу, посею густо.
Оросит слезою свято место
черемшина, вдовая невеста...»

2015

* * *

Камышом зарастает речушка Бычок,
храм Святого Харлампия ярко сияет –
то февральское солнце шафранный бочок
кишинёвскому храму любя припекает.
Расцветает суббота, златой Господарь
в поднебесной царит свежевымытой сини.
И брожу я, листаю живой календарь,
молодильный февраль бессарабской светлыни.

В предвесенней Молдове посею стихи,
как в Брюсселе их сеял, в Орле, Водолаге.
Да простятся мне красного байства грехи –
на губах виноград песнопевческой браги.
Изабелла Чумайская так хороша,
так свежа Кантемира хмельная коврига!
Я замолк, Аурика, молчу, не дыша.
За душою ни звука всю ночь, ни гроша –
до рассвета, до первого птичьего крика.

2015

ТОРГ В КИШИНЁВЕ

Здесь, где Пушкин цыганкой Земфирой
весь июль напролёт был пленён,
я настроюсь февральскою лирой
на мажорный отзывчивый звон.
Кишинёвский базар многоцветный
закружится в барыжном раю.
И на ноте ответной, приветной
«мультимеск»* я ему пропою.

Брызжут солнца зеркальные зайцы
над усталыми псами зимы.
Молдаванки над брынзой, кавказцы
над нежнейшею бронзой хурмы
нависают – в предчувствии лея,
в предвкушении мартовских ид.
И, котятками почек белея,
ветка вербы надеждой дарит.

Здесь, на торжище щедром и ярком,
закипевшем между явью и сном,
я взбодрюсь бессарабским подарком,
отоварюсь лиловым вином.
Лейтесь, вечноживые чернила,
вдохновенное зелье лозы!
Где б, Сверчок, нас судьба ни носила,
а везде виноградаря сила
кровь вливала в чернильницы, в жилы,
в буки-веди, в глаголи, в азы!

---

* мультимеск – спасибо (молдавск.).

* * *

«Патагония де Чили»! —
Зельем рдяным и густым
все печали мы лечили,
друг, попутчик, пилигрим.
С каждой новою столицей
прирастая вглубь и вширь,
не меняли мы традиций:
с красным знаковый пузырь

по-родному в руки брали
и по-братски, тет-а-тет,
с бодрым тостом разливали:
«Икс на игрек — будет зэт!»
Вьются ль тучи — пьётся лучше!
В непогоду и в раздрай
лей, Америго Веспуччи,
райский берег обмывай.

Вьются ль тучи — белый «Боинг»
вознесёт нас выше туч,
где сияет солнца конунг,
где озона хмель живуч,
где над виноцветным Понтом,
над Атлантикой без дна
за громокипящим фронтом,
за пурпурным горизонтом
Патагония видна!

2015

ИНКАРНАЦИИ

Мокры, как мокко, плечи и бока,
бугры спиты кулачного атлета.
Негр Холифилд облёк себя в шелка
нежнейшего фиалкового цвета.
Когда бы я родиться чёрным мог,
я стал бы блюзом, и в печали трубы
томились бы, но в паузах меж строк
смеялись бы мелованные зубы.

Когда бы ветхий был я иудей,
я ум вложил бы в золотые слитки,
и смуглых новоявленных детей,
любил бы строго, словно Торы свитки.
Я что-то помню. Может, потому
любуюсь теми, кем уже не стану.
ведь пить вино сей жизни одному –
не по душе мне и не по уму.
А оставаться трезвым – дань обману...

2002, 2015

* * *

В высоту, в нирвану вдохновенья
отпусти все сущности свои,
ибо для бессмертной жизни пенье
чуткие сверхтонкие слои.
Как туман рассветный над Тосканой,
перламутров безымянный свет.
И небесный сканер первозданный
по земле скользит сто тысяч лет.

И душа средь Падуи и Флоренций
помнит о воздушных островах
и не ждёт на смелость индульгенций,
возжигая жарких крыльев взмах.
Поднимайся – время подниматься:
там, за высью перистой, – порог
Атлантиды, там Ду Фу, китайца,
расцветают солнечные зайцы,
бабочки порхают между строк...

2015

V

*Балканское
бельканто*

* * *

Владимиру Ягличичу

Когда я говорю: «Мне мил Никола Тесла,
славянского гнезда магический пилот»,
я знаю, что душа Николы не исчезла,
что не сбавляет ход сети вселенской крот.
И вновь я повторяю: «Мне сербы серебрятся –
и там, где у ножа спиральна рукоять,
и там, где – Божедар, Кирилл, Мефодий! – святцы
не могут о родном со мной не толковать».

И свойским словарём с утра искрится Павич,
чей аргус, как узор мозаик, – многоок.
А к Тесле сквозь июль меня Григорий Саввич*
зовёт – сквозь слободской шипшины лепесток.
Люби, люби своё! И родичайся свято
со всем, что по уму, по совести – светло.
Слаба от кутюрье на кутерьме заплата –
значение вещей по капле вглубь ушло.

Вот и гляжу в глаза электрочудотворцу. –
Мой Тесла, сердцем серб и почвою хорват,
дар молний обретя в геноме змееборца,
при каждом Божьем дне мне – собеседник-брат.
Чтоб с ним потолковать о малом и великом.
вернее, помолчать, свежей любых речей,
я все чистовики сложу пред Отчим ликом –
на юге, рай-дуге, на севере ли диком –
 всю жертвенность ягнят, всю мускульность вещей...

2013

---

* странствующий философ Г.С. Сковорода.

* * *

Рождество, Новогодье и Святки –
много снега и много стихов.
Что за детская радость вприглядку, –
для тебя, кто не юн, но рисков, –
разогнавшись, по скользанке мчатся,
вдоль полоски зеркального льда!
А смеются ли вслед домочадцы:
«Ну даёт, старина!» – не беда.

Да, и что за года наши, друже?
Слава Богу – душа налегке
и живится, не втуне, не вчуже,
смаком буковки на языке.
А и что за грехи наши, братец?
Небезгрешные, с тем и умрём.
Кроток снег и пушист, словно агнец,
в благодатном паренье своём.

Мудрый серб весь январь переводит
твой дневник на иконный язык.
«Църна смърт» нет, не всем верховодит.
И заснеженно бел материк.
Много свеже-летучих мелодий.
Окольцован волхвами январь.
Входят в сердце с Кириллом Мефодий
и кладут алфавит на алтарь.

2013

* * *

Новак Джокович, рыцарь бэкхенда,
говорит на семи языках.
Чую сербского нрава крещендо,
тигра грацию, ястреба взмах.
Так и Дучич с кудесником Теслой
над Атлантикой властно парят,
так струят обновление в чресла
Нови Сад, Нови Герцог, Белград.

Так и хордой смарагдовой Котор,
тектонической бездны разлом, –
некий очень глубинный декодер
меж твоим и моим языком.
Пой по-сербски про Ярое море,
я ж, на русском храня Перворусь,
по-днепровски «співаю лавсторі»
и сплетения струн не страшусь.

Как врывался я в юные чащи,
как тенистые корты любил!
Низкий мяч, даже самый пропащий,
изо всех выцарапывал сил.
И доднесь, – мят и бит, но стожилен, –
я, как Новак-юнак, не сдаюсь,
ибо голос мой эхом обилен,
ибо светится в нём Перворусь.

Бледный червь напрягает объятья,
щерит Голем насильничий рот.

Но спаситесь любовью, братья, –
и незыблемость смысла придёт.
Новак Джокович – джокер в колоде
всеславянской, на вылет, игры...
Семь наречий у Господа в моде.
И цветны сны-псалмы на природе,
у подножья Печерской горы.

2014

СТИХОТВОРЕНИЯ***На мотив Владимира Ягличича (Сербия)***

Редко, с рассветом, такие стихи прилетают,
одновременно и мраморны, и невесомы,
те, что загадкою мучат и дух наполняют
разом – и смертною мукой, и счастья истомой,

разом – и твёрдою верой, и бунтом неверий,
некой единою вестью из ада и рая.
Словно из сканеров, компов продвинутых серий
и из там-тамов, и с луга стоцветного мая,

словно из русской зимы, из ведической притчи,
из Гильгамеша, из снов ясновидца Гомера,
ноты напева летят, человечьи и птичьи,
отзвуки гулких глубин неопознанной сферы.

Из жития возникают, из охры пещеры, –
то в них Колхида и Анды, а то Гималаи, –
цветом различны и формой, и точностью меры,
но бесконечны всегда, прозорливы без края.

Из сегидильи Иберии, из бугарштицы,
саги, чуляндры, из нежной печали Альгамбры
смысл прилетает, напев человека и птицы,
и затихает дыханием лавра и амбры.

2014

В СОЗОПОЛЕ

О да, я пью всю жизнь народное вино –
то «Мечу* кровь» болгар, то «Кьянти» из Тосканы,
а то и «Инкерман». И если впрямь смешно
мне форте, то засим пою я тихо-пьяно –
без клятв и буффонад, без воспалённых фраз
о том, что хан орды – властитель всей Вселенной...
А если «Карнобат» подарит мне Бургас,
спою про карнавал багряной влаги пенной.

И здесь, на берегу, где правит царь Газпром,
где слышен, что ни шаг, Москвы спесивый говор,
мне солнце плечи жжёт, и слух ласкает гром,
и помидор сечёт по-шопски смуглый повар.
И вот уже несёт в тарелке расписной
Боряна то да сё. И в очи Византии
гляжу я, чтоб опять все искры до одной
передарить псалмам влюблённого витии.

Здесь, впрочем, всё – путём: Созополь и Бургас
вдыхают нефтехим и кашляют в тумане.
«Лукойл» не дует в ус и, щуря цепкий глаз,
перегоняя нефть, смердя, качает мани.
О нет, не заросла имперская тропа
в края балканских роз. – Молись, Константинополь,
и трепещи, Стамбул! Державников толпа
лелеет миру дар – за «Искандером» «Тополь».

---

* медвежью (болгарск.).

И Кремль поклоны бьёт железной «Сатане» —
не Богу. Дни пришли, когда предельно ясно,
что из ордынских рвов не выбрались оне,
братья да кумовья, адепты бражки красной.
Но тот, кто вздымет меч на мать, на Перворусь,
тот сам же от меча... — и далее по тексту.
Созополь, сизый птах, прощай, я не вернусь.
Сквозь призму крыл твоих — надежды дрожь и грусть.
И чайки крик: «Ищи среди своих невесту...»

2014

ВЕЛИКО ТЫРНОВО

Крепись, моя бродяжья сила, —
не пить, не петь мне без тебя.
Спасибо, что меня хранила,
неведомо за что любя,
на всех путях. Крепись, сестрица:
в руке — трофейный ятаган,
лазурный крестик у ключицы
и перевитый змейкой стан.

Вот так и Тырново обвито
змеёй смарагдовой реки.
Искрит его ущелий мыто:
и римской бронзы пятаки,
и пять веков казны турецкой...
Над сменой принципов и вех
вселенской волей веет грецкий
широколиственный орех.

Белеют вертикали-скалы,
мчит по излучинам поток.
И генерал Гурко устало
у камня на траву прилёг.
Его фамилия, вестимо, —
примета царского хохла...
Всё мимо Божьей воли, мимо
свободы — вечность унесла.

Остались дикие ущелья
и хаток лепка-лепота,

Великотырновское зелье –
азы молитвы и поста.
Всё поле маков-фесок алых
янтарной Янтрой снесено.
И зреет на отвесных скалах
каких-то новых войн вино.

2014

ЧЕРНИЦА В ПЛОВДИВЕ

Остановлюсь – шелковицей болгарской,
щедротами пупырчатых плодов,
осыпан я по-пловдивски, по-царски
и к дежавю счастливому готов.
Она черницей-дудой здесь зовётся –
та ветка ягод, что среди двора,
в мальчишестве моём, опять смеётся,
жива, как всё, что было – там, вчера...

Белей же, лиловей, черница-дуда!
Играй, моя попутчица-дуда, –
и здесь, у гор Родопских, и повсюду,
где рдеют черепицей города.
Июньский полдень солнцем переполнен,
и полон Пловдив плодоносных чар.
И долгий путь мой, что к исходу склонен,
ведёт туда, где деньги и товар

пред чем-то невесомым вес теряют,
пред тем, чья суть – глубинней, и верней,
пред искрой, что из антики играет
цветною силой молодильных дней.
Остановлюсь – вокруг старинный полис.
Филиппов Пловдив на семи холмах –
древней Афин и Рима. Притча-опись
всё длится, всё алеет вязью повесть
о срубленных драконьих головах...

* * *

Несебар, полис памятных камней,
известняков, с налётом новодела.
Когда-то здесь труба над битвой пела,
звенели сталь и бронза в злобе дней.
Несебарских базилик череда
рыбою византийскою окраской
устремлена к Босфору, к раке царской,
к завету патриаршьяго суда.
Традиция бодрит иммунитет,
как, например, цветок эхинацеи.

Но дряхлый миф впадает в ахиною.
когда героев новых долго нет.
И суть ищу я в жертвенных камнях:
что есть в них днесь, помимо новодела?
И правда ли, что честь в них не истлела,
в смертолюбивых выживая днях?
Сто километров с лишним – и пролив,
где дышит Истамбул-Константинополь.
Пойму ли дни свои, осмыслю тропы ль?
Гляжу на север, возвратясь в Созополь, –
и вижу Крым. И грязь разбойных грив.

2014

ПЕСНИ У МОРЯ*Красимиру и Лоре*

Созополь певчих ласточек качает
над виллою «Софи», на проводах.
и новый день улыбкой привечает
с арабикой душистой на губах.
И, если завтра я умчусь в Софию,
то, видит Бог, ещё вернусь сюда,
где в воздухе – Орфеи и витии:
в агаве – шмель, в касатках провода.
О чём щебечешь, ласточка в нирване?
Мир оскудел бы без легчайших нот,

живорождённых в крошечной гортани –
вне пряжи лилий, вне хлопот-длиннот...
Вернусь от Красимира из Софии,
и снова – на балкон гнезда «Софи» –
встречать морской рассвет и горловые
признанья щебетуны-визави.
Вернусь от Лоры, от Сафо софийской,
шмели средь роз – очей её наркоз!
Сизарь Созополь, да пребудет близкой
Вселенная за синеморья рисклой,
за тайным смыслом дней-метаморфоз...

2014

ВОДА, ОГОНЬ

Аэробус взлетает над ливнем,
опираясь на рокот турбин.
Роем Хаос зазубренным бивнем
ров неровный для кровных былин.
Каин, Каин! Где Авель, твой младший,
приглянувшийся Господу, брат?
Проломившись кровящею чашей,
не отыщешь дороги назад.

В аэробусе «триста двадцатом»
над потоком Бургаса взлетев,
путь держу, закливаемый братом,
на межу, на фамильный посев.
Возвращаюсь к тебе, Украина,
Сечь казачья, варяжская Русь!
Но в сюжете жестокой былины
ни строки угадать не берусь.

Хлещут Варну июньские воды,
и грохочет над Тырново гром.
И в разливах балканской природы
ясно виден мне огненный дом –
тот, былой мой, эдемская повесть,
дом над ряскою речки Лугань,
первоцвет, первородство и совесть,
тот – всегда ясноглазая рань...

И лечу я туда, где грозою
только множится кара огня,

где зеницей, натруженной, злою,
снова целится снайпер в меня,
где грозит из-за тына бескровный,
зашифрованный казус лица...
Крепнет пламя над сушей греховной.
И агнешки, болгарские овны,
кротко просят воды у Отца.

2014

ВОЙНА

На мотив Красимира Георгиева (Болгария)

Империи живут насильем и войной.
Когда воюет Савл, теряет голос Павел.
Над теми, кто убит, над паствою земной
провозглашает власть самодержавный дьявол.

Пегасом в рифму ржёт, бахвалится война
то ядерным грибом, то атомною розой.
Но поэтичных слов для смерти нет – она
написана всегда неумолимой прозой.

Над бездною войны мосты, дрожа, висят.
А власть-блудница бьёт нечистому поклоны.
И, если устремлён к гибели твой взгляд,
тебе навстречу смерть откроет взор бездонный,

и вновь пойдёт огнём на хрупкое жильё,
и в ненависть, и в месть ввергая мир без срока.
И героизма нет в костлявой – суть её
в любые времена нелепа и жестока.

Венки укроют всё – бесстрашие и страх,
фанфары прозвучат, благоговейно кратки,
над павшим и над тем, кто на семи ветрах
мешает свет и тьму в немыслимой загадке.

2015

ДАЛМАЦИЯ

Далмация, Ядран. — Сквозь дымку лет,
сквозь фимиамы истуканов Рима
всё побережье выпукло и зримо
за два тысячелетия ответ
открыто держит. Стены крупной кладки,
сторожевые башни городов,
Дубровника и Сплита, без усадки
стоят в дозоре. И без лишних слов

хранят свой выбор. Времени стремнина
развёрнута в пространстве столь светло,
что спору нет: на римские руины,
на круг славян и мир аквамарины
с небес благословенье снизошло.
От мела стен, от охры черепицы,
от мая в нескончаемом цвету
исходит тонкий запах медуницы,
струится то, что только в детстве снится, —
и радугой, и счастьем, — раз в году...

Всей яви ярь, Ядрана все излуки,
все цепи драгоценных островов,
наследуя, прими в зрачки и в руки
из дряхлых лап цезарианских львов.
Дабы над синью белые хорваты
на внятном, до кровинки, языке
для северского вымолили брата
ещё пять дней отсрочки от расплаты,
от краха долгостроя на песке...

«Всем расскажи – взывает баба Вука –
прекрасней нет Далмации моей!»,
и в восемьдесят лет крепя науку
о ракии, живительнице дней.
«На завтрак рюмку и на сон грядущий –
все хвори пересилит, до одной!»
Ядран ярится, веют мёдом кущи.
Сажает «Дуглас» Лётчик вездесущий
и длит благое Слово надо мной...

2011

ОСТРОВ ХВАР

В продолжение странного странствия, плавного плаванья,
проходя между пристанью Шолта и островом Брач,
достигает мой белый паром Твоей, Господи, гавани –
на попутной волне, на смешенье утрат и удач.

Приближенье к сокровищу Хвара, ядранского острова,
к сиво-пепельным рубищам тысячелетних маслин
ощущается свежей добавкой акцента-апострофа
к бесконечности ритма, что всюду велик и един.

Ты, мне славшая мэйлы и смайлы, не очень надёжные,
назначая свидания в неких ресурсах сети,
если б знать ты могла, как всевластвует тягой подкожную
не дающий покоя сквозняк, оператор пути!

Не затем ли и я умыкаю тебя у компьютера,
что меня самого солнцедар, ослепительный Хвар
в одночасье срывает с крючка, с поводка и цугундера,
виноградарь мой, сборщик олив, моцареллы овчар?

И пробившись на остров-Буян, не с одной пересадкою, –
самолёт, серпантина гудрон, внесезонный паром, –
собеседницей праздник украсив и ракией сладкою,
о любви не соврзу я, лишь скрипну, пост скрипту, пером:
«Ты не первая хворь моя, Хвар! Островной лихоманкою
въелся в душу и плоть ещё Хортицы дымный ночлег.
Но и даже не Сечь утирает мне рот самобранкою,
не пурпурные гидры Ядрана сверкают обманкою,
просто – голубю вслед, всё плывёт к Арарату ковчег...»

СВАДЬБА В ТРОГИРЕ

Как не окликнуть снова мне Трогир,
трёх Горанок, трёх горлинок лавстори?
Не близко горы. Но повсюду море –
Ядрана переливчатый сапфир.
Повсюду вволю сини и тепла,
морских ежей и звёзд на плитах белых,
олив, благоуханных, загорелых,
узов, что Венеция сплела.

Четыре века венецийский дож
старанием купца и брадобрея
далмата брил. И вот, Трогир, белея,
на карнавал резных камей похож.
Подросток бьёт по звонкому мячу,
в футболке «Барсы» и с «десяткой» Лео,
над яхтой флаг трепещет, как порео.
И, словно роза, льнущая к плечу,

на Ратушном, на праздничном плацу
хорватица в венчальном белом платье
заключена в любовные объятья
кавалергарда. Счастью их – к лицу
весь миф Трогира, весь ядранский град,
помеченный изящной силой хлесткой.
Чиово-остров, обозначил сноской
«*ab ovo*» и над синею полоской
«от свадьбы» – переводит наугад...

ХАРЬКОВСКИЙ ХОРВАТ*В. Мотричу***1.**

Замком амбарным, правдою ментовской –
облёванный, бухой, но да! – поэт –
на землю сбит... И церковью Покровской
на суржике, по-быстрому отпет.
Поэзия – притвор иль паперть храма?
Изгнанница, за властолюбье псов
ни рюмки не плотнувшая, ни грамма,
она – не пустошь, Пустынь средь лесов!

Когда железом – по зубам, с размаха,
по сердцу, переносью, по глазам –
кромешен срам в душе. И гуще страха
в ней – грех невозвращения к образам...
Какою мовой Мотрич ни заплачет, –
черёмухой, иной ли веткой вскачь, –
он для кривой часовни больше значит,
чем трезво разлинеенный рифмач.

Замызган, пьян, он мне – роднее брата,
поскольку в нашем общем гиблом сне
навскидку петь – в десятку сердца! – надо
и день считать за три, как на войне.
Понеже каторжанская держава,
на откупе у распальцовки дня,
наследница коротконогой славы,
бьёт небо в очи – железякой ржавой...
Тебя, Христе, кончает! И меня...

2.

Вот бассейн у Зеркальной струи, где плескался хорват,
обнажённо-коричневый непросыхающий Мотрич,
априори безбашенный незабываемый брат,
навсегда одинокий горлан – средь молчания полчищ.
Ой вы, немость и немощь, две криво крещённых сестры!
Как щепотью ни бей себя в лоб, а не выступишь проку.
Мироносицкий храм семикратно вздымает шатры –
золотистую плавность струит несмиренному оку.

Что-то рано нахлынуло солнце в военном году –
на плюс десять расщедрился полдень десятого марта.
Я к беседке Зеркальной струи ненароком приду,
на скамейке раскрою тетрадки козырную карту.
Помяну тебя рифмой, хорват, песнопевчий алкан –
мы, акыны, да не пожалею алтына для друга!
Я бы имя твоё на другое сменил – Иоанн,
не по-твоему пьян, от иных бы скопытился ран...
В остальном же с тобой я – и звучно, и зло, и упруго!

2015

УСНУВШАЯ ГИТАРА

На мотив Юре Капителана (Хорватия)

Пусть ветер коснётся тебя невесомой ладонью,
разбудит, певунья-гитара, рассветной порою.
Пусть ветер, напившийся хмелем маслины спросонья,
разбудит тебя – серебристой, зелёной игрою,

гитара, уснувшая в чёрных слезах Леопарди.
О, мёртвая ласточка, алый обломок коралла!
У самого моря, в пустой далматинской мансарде,
ты – гроздь винограда, ты – ветка шипов астрагала.

О, песня, невеста-гитара, средь пены и гула,
как точно ты целишься в львиное сердце поэта!
За что, моя музыка, с кем ты меня обманула?
О, белого ветра ладони в прохладе рассвета!

2014

ЧЕРНОГОРИЯ

В красном вине Монтенегро, по-здешнему «чёрном»,
кровь иноходца почую – ноздрёю и глазом.
«Вранац»*, скакун вороной, в камертоне мажорном,
«црна» цокотит дотемна – черногорцем-Пегасом.
Пасти костистых ущелий, урочища Зеты
к паприке сердца ни турка не пустят, ни чёрта.
В скальные латы, с шиповкою башен, одета
Котора бухта-клинок, изумрудная хорда.

Црна и црвена лозы двуединая влага.
Чёрное слито с червонным, с черницей – царица.
Угольной масти орёл на малиннике флага
веером крыльев, затмением солнца ярится...
Но побережье, но белые пристани Будвы,
но светоносность пространства над морем-Ядраном!
Чёрные горы, багровые шрамы! Не будь вы
в пазухе Божьей – гулять бы и здесь ятаганам...

Црква над Ядраном бела, и в серёдке иконной
попик родное гудит по Псалтыри парчовой.
Даром, что братья щетинисты, – пеший ли, конный, –
словно разбойники Разина и Пугачёва...
Южная кромка славянства – за Ульцинем склоны.
Смыслы сгущаются, и откликается колер
то узнаваемо-памятно, то потаённо –
белая Будва, клинково-смарагдовый Котор...

2012

---

* «Вранац» – красное черногорское вино.

ЗАВЕТНАЯ КНИГА

На мотив Душана Костица (Черногория)

С душою, полной странствий и созвездий,
уйду я – всё равно, куда, когда.
Жизнь – это книга славы и бесчестий,
надежд, преодоления и труда.

Её читаю редко, лишь в минуту,
когда нисходит полночь с Чёрных гор,
когда, одолевая в сердце смуту,
вступаю сам с собою в разговор.

А над золою будущее зреет,
и в нём, со всей своей мечтою, я.
И вижу – даль озёрная синееет,
и пью из драгоценного ручья.

Пусть звонницы, работницы столетий,
осели и лишайником взялись.
Но поезда восторженно, как дети,
кричат из дальней дали: «Здравствуй, жизнь!»

И книгу я ношу в себе живую,
заветную – о том, что не уйду,
останусь в чувстве, в слове, в поцелуе,
останусь здесь, где жил и знал не всуе –
отчизны, скал и неба высоту.

2014

ИЗ ЗОЛОТОГО ВЕКА

Зачем ты изваял вторую, Фидий, –
Афину-деву?
Афина-воин, в ревности-обиде,
зашлась от гнева.

Несносно светит чудо золотое
во мраке храма.
И смертным нет от зависти покоя,
нет злобе срама.

Плати же, мастер, дань – гоненья, дразги,
клевет напасти.
То скрежет за спиной твоей, то лязги
тюремной пасти.

Над именем твоим навет сомкнётся
трясиной-гущей.
И сам Перикл уже не отзовётся,
во мглу идущий.

Напрасно посягнул ты дерзко, Фидий,
на совершенство.
Вкушал бы влагу вин и суп из мидий
близ волн блаженства...

Богиня бы, с когортой одесную,
не знала б гнева.
Как смел ты, Фидий, возлюбить другую,
Афину-деву?..

* * *

О Агапо, осенняя гречанка
с оливковою тенью на лице!
Над давней бухтой палевая чайка,
зовущая о счастье-беглеце.
Таврическая осень благодатна,
лишь солнце с каждым утром холодней.
А наш сентябрь и юность невозвратны...
О Агапо, прошло так много дней!

Над нашей ночью зов Кассиопеи,
размашистый остроугольный знак.
О вестница, наследница Орфея,
сто лет разлуке – и да будет так...
И там, где память о любви минувшей
стенает чайкой на краю земли,
иду по кромке меж водой и сушей,
и шепчут волны: «Агапо, послушай,
прошли две жизни, навсегда прошли...»

1991, 2015

21 ИЮЛЯ 2008

День Александра Великого, день Македонца?
Шутка ли? Хоть бы по дружбе аттический стих
о 21-ом шепнул мне, ведь проливни солнца,
шпажника плески не жаль мне делить на двоих!
Гладиус-меч пересилит цветок-гладиолус. –
Двойственный смысл по кольцу, по восьмёрке течёт.
С гривы царя не ссечётся без Зевса и волос.
Коршун небесный победную песню речёт.
Так и себя я борьбе без остатка вверяю.
Где моя Индия, ратные трубы слонов?

Только и жизни в году – от тинейджера-мая
до Шарукани июля, до шарканья снов.
Только и песен с вином – что до бабьего лета...
Где моя Сирия, Сирин на сизом крыле?
В рюмке предзимней – остатки любви и привета.
И ни пол-лапки синичьей на мёрзлой земле...
Троица карт, Александр! – Наши даты совпали.
Двадцать три века меж нами – «ау» повитух.
Важно – посмертную пыль отряхнуть от сандалий.
Счёту ещё научиться бы. – Честно, до двух.

2008

ПРОЧТЕНИЕ ПЕПЛА

На мотив Ацо Шопова (Македония)

Пылай, тревожный стих, в огне, что был зажжён тобою.
Когда слова моей души, сгорев, уйдут в золу,
я тёплый пепел их прочту, завещанный судьбою,
дабы вернуть и век челу, и новый взмах крылу.

О, песня, ты – из клювов птиц моих кровей летучих,
ты – из багряных облаков и воспалённых вен.
В непримиримости начал, в мятежно-быстрых тучах
восходит солнце как завет грядущих перемен.

И я, ушедший от икон, от смутного их гнева,
опять – воитель той мечты, что словно остриём
копья, на камне чертит суть, скрипичный ключ напева –
не по канону, может быть, но о своём, живом.

Мой звук! Мы вновь – два мира, мы – две разные планеты,
мы – два воюющих клинка из стали голубой.
Кто победил? Кто побеждён? Кто пьёт из губ рассвета?
Сгорай, тревожный стих, в огне, что был зажжён тобой.

2014

ГАРМОНЬ

На мотив Мака Диздара (Босния и Герцеговина)

По улице Сараева – слепой
брёл с пыльною изношенной гармонью.
И нотных кнопок скрип и разнбой
рождад почти что плач в надрывном тоне.

А уличный бродячий мальчуган,
смеясь, под эту музыку печали,
плясать пустился, счастьем обуян,
в своём, ему лишь ведомом, астрале.

И он плясал, как будто пел: «Живу!»,
под жалобу слепой гармонн зыбкой,
покуда не упал без сил в траву
и не уснул с блаженною улыбкой.

2014

В ЛЮБЛЯНЕ

Любляну окропляет майский дождь –
на удивленье ласковый и тёплый.
Как только Мост Драконов перейдёшь,
все перепонки крыл и клювов сопла
позеленевшей бронзою взблеснут
в росе полудожда-полутумана.
Ряды цветных фасадов к речке льнут
с гармонией и плавностью Тосканы.

И ты, в оправу гор заключена,
Словения – от слова, не от славы! –
спокойно дышишь, мирная страна –
с драконом, но без деспота-удава.
Шепни же мне на внятном языке,
что первый Рим тебе всех прочих ближе,
что гостя не прирежешь ты в леске
с ордынской ухмылкой бесстыжей...

Я сам бы здесь, на речке Любле, жил
в похожей на провинцию столице,
с отвесных башен Града сторожил
баgreц средневековой черепицы.
И знал бы, что всегда возможность есть,
отбившись от врага, укрыться в горы,
и не растратив по копейке честь,
уже одну лишь слушать с неба весть –
легчайший шум дождя: *«Memento more...»*

УКРАДЕННОЕ СЕРДЦЕ

На мотив Лайзе Кракара (Словения)

В полночь весь город – созвездий обитель.
Стража на башнях боролась со сном.
Шёл я по зябким камням, похититель,
пьяный волшебным любовным вином.

Вдоль переулков, под звёздную притчей,
шёл я, разбойной окутанный тьмой,
тать, ослеплённый редкой добычей, –
сердце твоё уносящий с собой.

2014

СОДЕРЖАНИЕ

1. ТЁПЛЫЙ БОГ

Память	4
«Опускаешь глаза – а вокруг золотые монеты...»	5
Свет безымянный	
1. «Доживём до весны, мой певучий возлюбленный старче!...»	6
2. «Двадцать лет тебя нет на теряющей разум земле...»	7
Тёплый Бог	8
«Входит лето в горячую силу...»	9
«Так выдуманно правильно и странно...»	10
На Боспоре	11
«Вспоминался, как живой, Шенгели...»	12
«То ль Атлантикой веет ноябрь, то ль смягченьем закона...»	13
«А помнишь, щегла покупали мы, в клетке царя...»	14
«И вот, нарисованы розовым мэйлом...»	16
На родине поэта	17
Стихи в Харькове	18
«Заветный мой! Ты изменился, вырос...»	20
«С золотого крыльца золотое крыло...»	21
Из «Луговых песен»	
1. Покос	23
2. Свадьбы	23
3. У озера	24
Альгамбра	26
«Валенсия, скучаю по тебе...»	27
Толедо	29
«И всё бежит тот давний мальчик-с пальчик...»	30
10 мая 2013	32
«Июнь дождями переполовинен...»	34
«Шпионскую яичницу-болтунью...»	35
«Здесь, под небом чужим, я – как гость нежеланный...»	36
«Стихи меня спасали в лагерях...»	37
Язык	38

Под Евпаторией.....	39
Расставание с Кафой.....	41
«Вот поспел абрикос над скудельною почвой Азова...».....	43
Джубга.....	44
В апреле.....	47
«Мы идём по Уругваю – пели пионеры хором...».....	48
Голоса.....	49
Триптих войны	
1. «Ты прав, поэт,– ещё не в чёрном осень...».....	50
2. «Восприемник слоёв и сфер...».....	51
3. «Багровой краской приукрасив рот...».....	51

2. НАСТУРЦИИ

Настурции, Луганск.....	54
Перед дорогой.....	55
Странствия	
1. «О странствиях, о пылкой ли охоте...».....	56
2. «Всё! Наконец домой вернуться...».....	57
Ангелы	
1. Зимний дуэт.....	58
2. В пути.....	59
3. Янгол огня.....	60
Песни после войны.....	61
«Магеллановы гуси над миром летят...».....	63
«Легко ль по кругу пить густой портвейн из банки...».....	65
«Серафим летел на Симферополь...».....	66
Успеть на электричку.....	67
«Открылся магазин «Живые вина Крыма»...».....	68
«В июне вынырнул лопух...».....	69
«Каждый изломан, шарадою скручен...».....	70
«Свежее дышат ночи, холодной...».....	71
Индиго.....	72
В Керчи с Георгием Шенгели.....	73
«Не поздно, не поздно, Георгий!...».....	75
«Плоды садов и сновидений!...».....	76
«Говори на лунфардо, шути на жуаль...».....	77
«Одним не скудеешь, нагая земля...».....	78
Гроза над Андреевским спуском.....	79
«Начистоту и начисто. Иначе...».....	80

Родной псине	81
«Заплёлся диким виноградом...»	82
«Альтист ли Данилов, Бахыт ли Кенжеев...»	83
На Ингуле.	85
«Сбылась моя мечта – брожу себе по свету...»	86
«Среди омел – гнездо сорочье...»	87
«Голубь грудастый, – мохнатые белые шпоры...»	88
«Пишут добрые люди с Алтая...»	89
Диптих 31 мая	
1. «Ау, гуманный увалень старинный!...»	91
2. «Стрижи летают высоко...»	92
Киевский диптих	
1. Киев	93
2. Улица Героев Небесной Сотни	94

3. ЖИЛ, СПЕШИЛ, НАВОРОЖИЛ...

«Ветер, ветер, умник улиц!...»	96
«Ещё все живы, вправду живы...»	97
Острова	98
К сердцу	99
«Золотистая, с чёрным седлом...»	100
«Кузнец, кузничек, кузя-кузовок...»	101
«Есть нечто неизбежное и злое...»	102
«Мёдом не будь, ибо слижут в два счёта тебя...»	103
«Отрок неутомимый и нынешний зыбкий жилец!...»	104
Зажигание света	105
«Зелёный «Ахмат» с апельсиновым запахом...»	107
«Душа – ковчег, где каждой твари Божьей...»	108
«Ласточка, ласковый посвист небесный...»	109
Майский полёт	110
«День подоспеет – со змеем в руке...»	111
«Упрёка нету в лицах стариков...»	112
В лавке красок	113
«Ты лучше видишь то, что далеко...»	114
Первое января	115
После праздника	116
«Чёрные куры сидят на ветвях алычи...»	117
«Лист мушмулы мохнат...»	118
«Французова, фиалка Коктебеля...»	120

«Нет, времени тебе не обмануть...»	121
Аллегория срама	
1. «Животное с велюром на загровке...»	122
2. «Где похоть-страсть ехидны с трубкозубом...»	123
Пейзаж	124
«Грузовик на «зебре» снёс старушку...»	125
Флюктуация	126
«Стрижи, стрижи! Простор, огромный воздух...»	127
Из «Собачьих сказок»	
1. Встреча	128
2. «Друг, ты не жалуешь собак...»	129
3. «Старый хозяин с седыми усами...»	130
Полынь грозы	131
«Когда и сам Вольтер стихи писал...»	132
«От гризли до гюрзы – недалеко...»	134
Миргород, лето войны	135
Страницы календаря	
1. 31 декабря 2014	137
2. «Январь, Крещение. Оттепель с туманом.	138
3. Тринадцатое марта	138
Вербное Воскресенье	140

4. БЕЛЫЙ, С МУЗЫКОЙ, ВОКЗАЛ...

«Под цветущею софорой прячет спину бочка с квасом...»	142
Привоз	143
В университете	144
«Разведенью вуалевых рыбок...»	145
Май	146
Триптих маньеризма	
1. Беседка	147
2. Из «Базилиады»	148
3. «Мохито-бар плюс бармен-шоу!...»	148
«Ревнует ремонтник путей? И пускай...»	150
Письмо в Колорадо	151
«С лиловоглазой октябринкой...»	152
«Зеленоглазо-сторожкие звери...»	153
Зимовка	154
«Но Он-то даром срока не даёт...»	155
«Расплатись обмельчавшей сотнею...»	156

Над шахтами

1. «Донцом рассечённый полуденный Кряж!...»	157
2. «И вот, — под слоем копоти угрюм...»	158
«Курить кальян, вдыхать ли фимиам...»	159
«Словно бы в детстве, рассветное майское...»	160
«Когда-то в детстве поезд шёл в Луганск...»	161
«И целакант, и чупакабра...»	163
«В груди ли дверцу отворю...»	164
«Судный декабрь, Судоплатов погоды...»	166
«Полжизни отстояв в очередях...»	167
«Тогда хотелось побыстрее...»	169

Из «Речных сказок»

1. «Вдоль текучих порезов земли...»	170
2. «Сергей Константиныч, гнезда Александрова...»	171
3. «То ли былою бурчит, то ль былиною Пров...»	171
«На лавочках всех набережных мира...»	173
«Мыс Василиск, мыс Меганом...»	174
«Хорошо пахнут детские волосы...»	175
«В который раз, фантасты революций...»	176
«Я прошёл век войны, каждый день пропускаю сквозь сердце...»	177
«Вот ты меня с другим пришельцем спутал...»	178
«Свято место пусто не бывает...»	179
«Камышом зарастает речушка Бычок...»	180
Торг в Кишинёве	181
«Патагония де Чили!...»	182
Инкарнации	183
«В высоту, в нирвану вдохновенья...»	184

5. БАЛКАНСКОЕ БЕЛЬКАНТО

«Когда я говорю: «Мне мил Никола Тесла...»	186
«Рождество, Новогодье и Святки...»	187
«Новак Джокович, рыцарь бэкхенда...»	188
Стихотворения	190
В Созополе	191
Велико Тырново	193
Черница в Пловдиве	195
«Несебар, полис памятных камней...»	196
Песни у моря	197

Вода, огонь	198
Война	200
Далмация	201
Остров Хвар	203
Свадьба в Трогире	204
Харьковский хорват	
1. «Замком амбарным, правдою ментовской...»	205
2. «Вот бассейн у Зеркальной струи, где плескался хорват...»	206
Уснувшая гитара	207
Черногория	208
Заветная книга	209
Из Золотого века	210
«О Агапо, осенняя гречанка...»	211
21 июля 2008	212
Прочтение пепла	213
Гармонь	214
В Любляне	215
Украденное сердце	216

Литературно-художественное издание

ШЕЛКОВЫЙ
Сергей Константинович

СВЕТ БЕЗЫМЯННЫЙ

Стихи

В авторській редакції

Технічний редактор: *Є. Онишко*
Комп'ютерний дизайн: *В. Носань*

Підписано до друку 18.05.15. Формат 60х84/16.
Папір офсетний. Гарнітура Таймс. Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 14. Наклад 300 прим. Зам. № 15-23.

Видання і друк ТОВ «Майдан»
61002, Харків, вул. Чернишевська, 59
Тел.: (057) 700-37-30
E-mail: maydan.stozhuk@gmail.com

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців і розповсюджувачів
видавничої продукції ДК № 1002 від 31.07.2002 р.

E-mail:
seshel@mail.ru

Авторский сайт:
www.seshel.ucoz.ru

Другие ресурсы:
www.poezia.ru
www.proza.ru
www.stihi.ru
www.rifma.ru